

Роковой просчет

В. А. Анфилов*

Планирование войны

29 ноября 1937 г. И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов и Л. М. Каганович подписали Постановление Комитета обороны М-8 (Мобилизационный план на 1937–1939 гг.). В соответствии с ним начальнику Генерального штаба было поручено составить «Соображения о стратегическом развертывании вооруженных сил на случай войны».

«Стратегическое развертывание, писал в 1939 г. один из видных военных теоретиков, профессор Академии Генерального штаба В. А. Меликов, является сердцем плана войны»¹.

В основу планирования были положены идеи советской военной доктрины, сущность которой состояла в том, что Советский Союз не собирался ни на кого нападать, но вместе с тем завоевания социалистической революции намеревался защищать со всей решительностью. Красная Армия, как армия государства диктатуры пролетариата исповедовала классовые формы ведения войны, что соответствовало природе революционного общественного строя, рассчитывавшего стать базой мировой пролетарской революции. В то же время социалистическое государство не могло на себя взять инициативу нанесения первого удара, т. е. формального развязывания войны. Перед Советскими Вооруженными Силами была поставлена двуединая задача: готовиться к отражению удара агрессора и одновременно к решительному разгрому его с перенесением военных действий на территорию врага. Считалось, что Красная Армия должна быть всегда готова ответить сокрушительным ударом на всякую внезапность со стороны врага. Эти положения были сформулированы в полевом уставе 1939 г. (статьи 1-я и 2-я).

Данное доктринальное положение имело принципиальное значение для определения и понимания начала вступления советского государства в войну. Во-первых, из него следовало, что для Красной Армии содержанием первых часов и дней войны должны стать

сдерживающие боевые действия в строившихся для этой цели укрепленных районах и, во-вторых, внезапность нападения противника должна быть нейтрализована высокой боевой готовностью Красной Армии.

Все стратегические планы составлялись на основании взглядов на характер будущей войны. Считалось, что в будущей войне Советскому Союзу будут противостоять не отдельные страны, а целая коалиция капиталистических государств.

Основные документы оперативного планирования разрабатывались и перерабатывались вначале под руководством начальника Генерального штаба командарма 1 ранга (с мая 1940 г. Маршала Советского Союза) Б. М. Шапошникова. К 24 марта 1938 г. в соответствии с вышеуказанным постановлением Комитета обороны был разработан доклад народному комиссару обороны К. Е. Ворошилову «Об основах стратегического развертывания РККА». В нем предусматривались два варианта действий главных сил: к северу от Полесья и к югу от него. Главный военный совет рассмотрел и одобрил план лишь 13 ноября 1938 г. Этот план был вскоре утвержден и Комитетом обороны.

Однако события 1939 — начала 1940 г. коренным образом изменили стратегическую обстановку в Европе. Произошло перемещение войск Красной Армии, изменились государственная граница, боевой состав военных округов. В связи с этим прежний оперативный план оказался нереальным.

После окончания войны с Финляндией в Генеральном штабе под руководством Б. М. Шапошникова начали разрабатывать новый документ «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940–1941 гг.». Его составили к середине 1940 г. За подписями С. К. Тимошенко и Б. М. Шапошникова он был представлен на рассмотрение Сталину и Молотову. «Сложившаяся политическая обстановка в Европе, — указывалось в документе, — создает

* Виктор Александрович Анфилов — доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО.

вероятность вооруженного столкновения на наших западных границах..., но не исключена вероятность и атаки со стороны Японии наших дальневосточных границ. На наших западных границах более вероятным противником будет Германия, что же касается Италии, то возможно ее участие в войне, а вернее, ее выступление на Балканах, создавая нам косвенную угрозу.

Вооруженное столкновение СССР с Германией может вовлечь в военный конфликт с нами — с целью реванша — Финляндию и Румынию, а возможно и Венгрию. При вероятном вооруженном нейтралитете Ирана и Афганистана возможно открытое выступление против СССР Турции, инспирированное немцами.

Таким образом, Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на западе — против Германии, поддержанной Италией, Финляндией и Румынией, а возможно, и Турцией, и на востоке — против Японии как открытого противника или противника, занимающего позицию вооруженного нейтралитета, всегда могущего перейти в открытое столкновение»².

Считая, что основной удар немцев будет направлен к северу от устья реки Сан, составители плана предложили главные силы Красной Армии развернуть севернее Полесья.

Но пока этот план разрабатывался произошли новые события. В результате вхождения Прибалтийских республик в состав СССР соединения Красной Армии были введены в Прибалтику, а части Киевского военного округа вступили в Северную Буковину.

Летом 1940 г. была разгромлена Франция. Многочисленная, хорошо подготовленная немецкая армия оказалась, по существу, один на один с Красной Армией. Не исключалось, что в сложившейся обстановке нападение Германии на СССР возможно еще до окончания войны с Англией.

Главным вопросом в оценке замыслов германского командования являлось определение возможного главного удара. Генеральный штаб правильно определил развертывание основных сил немецкой армии к северу от устья реки Сан с целью нанесения главного удара в направлении на Ригу, Каунас и далее на Двинск. Полоцк или на Каунас, Вильнюс и далее на Минск. Считалось, что одновременно с главным ударом следует ожидать удара в тыл львовской группировке советских войск и овладения Западной Украиной. Не исключалась возможность главного удара противника на киевском направлении с целью захвата Украины. Однако в докладе подчеркивалось, что «наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно, и наиболее вероятным является первый вариант ее действий, т. е. с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья р. Сан».

Надо указать, что несмотря на правильные взгляды на начальный период будущей войны, выработанные еще в первой половине 1930-х гг., в Генеральном штабе не было твердой установки на него, вытекающей уже из опыта военных действий

на Западе. Хотя немцы начинали войны заранее развернутыми силами внезапно, в «Соображениях о стратегическом развертывании» указывалось, что противнику для сосредоточения и развертывания главных сил потребуется после начала войны 15 суток. Как отмечал позже Г. К. Жуков, «Нарком обороны и Генштаб считали, что война ... должна начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений»³. Тем самым в оперативном плане войны была заложена серьезная ошибка в оценке способа военных действий противника.

Общий замысел боевого использования основных сил Красной Армии состоял в том, чтобы на первом этапе активной обороной в укрепленных районах прочно прикрыть границы в период сосредоточения войск и не допустить вторжения противника в пределы СССР. На втором этапе мощными ударами главных группировок войск фронтов нанести решительное поражение противнику и выйти на р. Висла, в дальнейшем развивать наступление на Краков, Бреслау и выйти к верхнему течению р. Одер.

В соответствии с оценкой противника и общим замыслом отражения его нападения намечалось два варианта стратегического развертывания главной группировки Красной Армии на Западе. В одном случае она могла быть развернута к югу от Брест-Литовска а в другом — к северу от него. Все зависело от политической обстановки, которая могла сложиться непосредственно к началу войны.

5 октября И. В. Сталин и В. М. Молотов обсудили представленный им 18 сентября доклад «Об основах стратегического развертывания». «Как нам рассказал К. А. Мерецков, — вспоминал А. М. Василевский, — при его рассмотрении И. В. Сталин, касаясь наиболее вероятного направления главного удара потенциального противника, высказал свою точку зрения. По его мнению, Германия постарается направить в случае войны основные усилия не в центре того фронта, который тогда возникнет по линии советско-германской границы, а на юго-западе, с тем, чтобы прежде всего захватить у нас наиболее богатые промышленные, сырьевые и сельскохозяйственные районы. В соответствии с этим Генштабу было поручено переработать план, предусмотрев сосредоточение главной группировки наших войск на юго-западном направлении»⁴.

14 октября 1940 г. доработанный вариант плана «южный» был представлен на утверждение И. В. Сталину и В. М. Молотову. В нем главной группировке в составе Юго-Западного фронта ставилась задача по нанесению более мощного удара в направлении Люблин, Краков и далее на Бреслау»⁵.

Планом предусматривалось к 1 октября 1941 г. развернуть два фронтовых и два армейских управления, довести численность авиации до 20 тыс. самолетов, сформировав 100 авиационных полков.

Одновременно было решено разработать и другой вариант («северный»). По нему основная группировка

пировка войск должна была развертываться в полосе Западного и Северо-Западного фронтов.

Заложенные в оперативных планах концепции проверялись на двух январских оперативно-стратегических играх. Первая игра, как указывалось в предыдущей главе, обнажила слабость нашего западного направления. В связи с этим в оперативный план пришлось вносить коррективы.

Переломным моментом в строительстве вооруженных сил и оперативно-стратегическом планировании их применения явился февраль 1941 г., когда Генеральный штаб возглавил Г. К. Жуков. С этого времени в Генеральном штабе разрабатывалась большая программа по составлению новых оперативно-мобилизационных планов. На основе указаний Г. К. Жукова его первый заместитель генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин составил «План разработки оперативных планов», в соответствии с которым был разработан ряд важнейших документов. Одновременно Ватутин с Василевским вносили коррективы в план стратегического развертывания вооруженных сил с учетом новых разведывательных данных о противнике и ростом численного состава своих вооруженных сил.

11 марта 1941 г. А. М. Василевским по указанию наркома обороны был написан особой важности, совершенно секретный (единственный экземпляр только лично Сталину, Молотову) документ: «В связи с проводимыми в Красной Армии в 1941 году крупными организационными мероприятиями, — указывалось в нем, — докладываю на Ваше рассмотрение уточненный план стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе на Востоке... Сложившаяся политическая обстановка в Европе заставляет обратить исключительное внимание на оборону наших западных границ... При условии окончания войны с Англией предположительно можно считать, что из имеющихся 260 дивизий... до 200 дивизий, из них до 165 пехотных, 20 танковых и 15 моторизованных, будут направлены против наших границ... Германия вероятнее всего развернет свои главные силы на юго-востоке от Седлеца до Венгрии с тем, чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину. Этот удар, по-видимому, будет сопровождаться вспомогательным ударом на севере из Восточной Пруссии на Двинск и Ригу или концентрическими ударами со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск-Барановичи»⁶.

Для ведения операции на Западе выделялось 252 дивизии и две бригады. Что касается основ стратегического развертывания, то в данном документе указывается: «Развертывание главных сил Красной Армии на Западе с группировкой главных сил против Восточной Пруссии и на варшавском направлении вызывает серьезные опасения в том, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям»⁷. Из этого следует, что главные силы рекомендовалось сосредоточить на юго-западном направлении. Пренебрегая ошибкой не была исправлена до начала войны.

Месяц спустя, 10 апреля 1941 г. по указанию Г. К. Жукова А. М. Василевским была составлена директива на разработку плана оперативного развертывания войск приграничных округов. В частности, для Западного особого военного округа в ней определялось: «Основные задачи: с переходом ЮЗФ (Юго-Западного фронта) — ударом левого крыла Западного фронта в общем направлении на Седлец-Радом наступать с ЮЗФ, разбить люблинско-радомскую группировку противника. Ближайшая задача овладеть Седлец, Луков и захватить переправы через р. Висла.

Разработать план первой операции 13-й и 4-й армий и план обороны 3-й и 10-й армий»⁸.

По-прежнему главная группировка советских войск предусмотрена на юго-западном направлении в составе Киевского особого военного округа. Западный фронт должен был наступать совместно с Юго-Западным фронтом лишь частью сил левого крыла. Войска правого крыла и центра должны были готовиться к обороне.

К середине мая руководство Генерального штаба сделало вывод, что Германия полностью отобилизовала свою армию, сосредоточила ее в основном у границ Советского Союза и развернула тылы. В этих условиях Нарком обороны и начальник Генерального штаба решили предложить Сталину проявить инициативу и нанести по готовящимся к вторжению в СССР немецким войскам упреждающий удар.

К этому их подтолкнуло и выступление И. В. Сталина на приеме выпускников военных академий 5 мая 1941 г. Торжественное собрание, состоявшееся в большом Кремлевском дворце открыл нарком обороны С. К. Тимошенко. С кратким докладом о выпускниках выступил начальник управления военно-учебных заведений Красной Армии генерал-лейтенант И. К. Смирнов. Затем выпускников приветствовал от имени Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин. После него от имени ЦК ВКП(б) и СНК выступил И. В. Сталин. Его речь продолжалась около 40 минут и была выслушана с исключительным вниманием. Он отметил глубокие изменения, произошедшие за последние годы в Красной Армии (следовало бы сказать не за годы, а за последний год) и подчеркнул, что на основе опыта современной войны Красная Армия перестроилась организационно (опять же не перестроилась, а только начала, по существу, перестраиваться) и серьезно перевооружилась (не перевооружилась, а начала перевооружаться на новую материальную часть). Учитывая это, сделал он вывод, она готова вести войну наступательно. Много места в его речи было отведено международной обстановке, идущей войне, положению Советского Союза в этих условиях и его внешней политике. Сложность и острота международной обстановки вынуждает Советское государство быть начеку, повышать свою боеспособность. Вооруженные силы, призвал он, должны находиться в постоянной готовности к отпору агрессии, откуда бы она ни исходила.

После торжественного собрания состоялся прием выпускников. Гости заполнили Георгиевский зал, Грановитую палату, Владимирский, Малый и Новый залы. Кроме выпускников присутствовали: члены ЦК ВКП(б), народные комиссары, депутаты Верховного Совета СССР, высшее командование армии и флота, Герои Советского Союза, Герои Социалистического труда, профессора и преподаватели военных академий.

Прием открылся краткой речью С. К. Тимошенко, с ответным словом выступило несколько выпускников. А затем бесконечные тосты, главным образом Сталина. Прежде всего он провозгласил здравицу в честь руководящего и профессорско-преподавательского состава военных академий и выразил уверенность в том, что выпускники военных академий будут возвращаться в части вооруженными глубокими знаниями новой техники. Расхаживая с бокалом в руках по Георгиевскому залу, он говорил о значении различных родов войск, провозглашая здравицу в честь артиллеристов (его любимая фраза «артиллерия — бог войны» была произнесена им там), танкистов, летчиков, которых он упрекнул за то, что они учатся на старой материальной части. «Мы будем воевать на новой, изучайте ее», поздравил также кавалеристов, пехотинцев, инженеров, техников, саперов, связистов, самокатчиков, парашютистов, минометчиков.

Учитывая, что на следующий день И. В. Сталин был назначен председателем Совета Народных комиссаров СССР, этот прием говорил о многом.

Воодушевленные этим «воинственным» настроем И. В. Сталина и учитывая складывающуюся на границах обстановку, С. К. Тимошенко с Г. К. Жуковым отдали распоряжение генерал-майору А. М. Василевскому подготовить новые «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза». Вверху справа на документе, написанном от руки Василевским, указано: «Председателю Совета Народных Комиссаров от 15 мая 1941 г.». Внизу должны быть подписи наркома и начальник Генштаба, но они не поставлены.

«Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отобюролизованной, с развернутыми тылами, — указывается в самом начале документа, — она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет организовать фронт и взаимодействие родов войск.

Первой стратегической целью действий Красной Армии поставить разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее Брест-Демблин и выход к 30 дню севернее рубежа Остроленка, р. Нарев, Ловичь, Лодзь, Крейцбург, Опельн, Оломоуц.

Последующей стратегической целью — наступать из района Катовице в северном или северо-западном направлении, разгромить крупные силы врага Центра и северного крыла Германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии»⁹.

С этим документом нарком и начальник Генштаба отправились к И. В. Сталину. О его реакции на это предложение военного руководства документальных материалов в архивах найти не удалось. А по словам Г. К. Жукова, она была следующей: «Услышав о предупредительном ударе по немецким войскам, он буквально вышел из себя. „Вы что с ума сошли? Немцев хотите спровоцировать“, — прошипел он. Мы сослались на складывающуюся у границ обстановку, на его выступление 5 мая перед выпускниками военных Академий. „Так я сказал это, — услышали мы в ответ, — чтобы подбодрить присутствующих, чтобы они думали о победе, а не о непобедимости немецкой армии, о чем трубят газеты всего мира“».

Этот оперативный план он утверждать не стал, более того — строго предупредил о том, чтобы не дать повода для провокации. Однако дух решительности и наступательности в войсках, судя по всему, поддерживался им. Не без его ведома, конечно, на заседании Главного военного совета, состоявшемся 4 июня 1941 г. в рассматриваемом проекте директивы „О задачах политической пропаганды Красной Армии на ближайшее время“ было записано, что задачи, поставленные перед Красной Армией, требуют решительного поворота в пропагандистской работе в духе постоянной готовности перейти в сокрушительное наступление на врага»¹⁰. В ходе ее обсуждения член Политбюро А. А. Жданов заявил: «Мы стали сильнее, можем ставить более активные задачи. Войны с Польшей и Финляндией не были войнами оборонительными. Мы уже вступили на путь наступательной политики»¹¹.

Учитывая возрастание угрозы агрессии и увеличение состава вооруженных сил, Генеральный штаб продолжал вносить коррективы в документы по стратегическому развертыванию. К середине июня в записке Василевского по стратегическому развертыванию вооруженных сил предусматривалось первый стратегический эшелон развернуть уже на основе существующих военных округов в составе 4 фронтов (189 дивизий и 2 бригады с учетом войск, расположенных в Крыму), что составляло более 60% всех соединений Красной Армии¹².

Всего на Запад вместе с резервом Главного командования предназначалось 240 дивизий, 159 авиационных полков, 5 воздушно-десантных корпусов, 10 противотанковых бригад. Для обороны дальневосточных границ выделялись 31 дивизия и две бригады, в Закавказье и Средней Азии — 31 дивизия и для прикрытия Беломорского побережья — одна дивизия.

Из общего количества авиационных дивизий фронтовой и другой, небомбардировочной авиации для западных округов выделялось 60%, для Дальнего Востока и Забайкалья — 16% и во внутренние

военные округа (в том числе в Закавказье и Среднюю Азию) 24%. Основные силы Военно-Морского Флота также сосредотачивались на Западе в составе Северного, Балтийского и Черноморского флотов.

«Соображения» составили основу оперативного плана, но до конца их так и не удалось довести, так как началась война.

Важное место в планировании стратегического развертывания вооруженных сил занимала организация прикрытия государственной границы.

Обстановка изменялась так быстро, что округа не успевали качественно разрабатывать документы, утверждать их и претворять в жизнь. Наиболее существенным изменениям подвергались планы прикрытия в Западном и Киевском особых военных округах.

Последние директивы на разработку окружных планов прикрытия были подписаны наркомом обороны в начале мая 1941 г. Ленинградскому, Западному и Киевскому округам директивы были направлены 5 мая, Одесскому — 6 мая, а Прибалтийскому — 14 мая.

Срок действия плана обороны был определен в течение 15 суток. За это время предполагалось мобилизовать, сосредоточить и развернуть главные силы Красной Армии. Так, в директиве войскам Киевского военного округа указывалось: «Быть готовым по указанию Главного командования нанести стремительные удары для разгрома противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей». Представление окружных планов на утверждение в Генеральный штаб было определено 25 мая. Разработка планов прикрытия в округах сильно затянулась, так как явилась чрезвычайно сложным делом.

В соответствии с требованиями директив Генерального штаба основу обороны по прикрытию государственной границы должны были составить укрепленные районы и полевые укрепления, строившиеся по линии государственной границы с использованием всех имеющихся сил и возможностей, при этом оборона войск должна была носить активный характер, с тем чтобы «всякие попытки противника к прорыву обороны немедленно отражались контратаками корпусных и армейских резервов»¹³.

Опыт войны с Финляндией и войны в Западной Европе заставил внести существенные коррективы в систему укрепления границ. 12 октября 1940 г. начальник Главного военно-инженерного управления генерал-майор А. Ф. Хренов представил по этому вопросу доклад начальнику Генерального штаба. «Изучение и обследование состояния укрепления наших границ, — отмечал он, — показало, что система военно-инженерной подготовки ТВД недостаточно уяснена как по форме, так и по содержанию, что отсутствует единство взглядов по этому вопросу и в то же время наблюдается шаблонность приемов и форм укрепления границ... Главным же и основным недостатком укрепления наших границ является то, что

основная вооруженная сила нашей страны — полевые войска остается необеспеченной, а ТВД неподготовленным для действий полевых войск. Так было у нас на Карельском перешейке, так было, по всем данным, у бельгийцев и французов»¹⁴.

В целях устранения недостатков А. Ф. Хренов предложил: во-первых, устраивать впереди укрепленных районов предполье, которое до 1939 г. отрицалось. Отказ от них позволяет наступающему действовать внезапно всей мощью современных средств и сил наступления и подавления непосредственно по всей глубине УР. Во-вторых, силы и средства обороны эшелонировать в глубину. Экономия сил за счет УР, указывал он, не должна переходить известного предела, после которого она становится опасной. На внезапность нападения оборона должна ответить внезапностью сопротивления, что возможно только при активной обороне. Активная оборона требует, чтобы контрудары проводились организованно, с определенной целью, при поддержке артиллерии, танков и авиации, а не разрозненно и впустую.

Предложения А. Ф. Хренова были учтены руководством наркомата обороны и Генерального штаба. Опыт боевых действий в советско-финляндской войне и на Западе, указывалось в директиве наркома обороны военным советам приграничных округов от 20 февраля 1941 г., показывает, что при строительстве УР требуется увеличение глубины их до 30–50 км в зависимости от наличия и глубины предполья, а также увеличения толщины железобетонных сооружений и усиления плотности артиллерийско-пулеметного огня. УРы имеют свои специальные гарнизоны, численность которых определяется для каждого в отдельности. Полевые войска, подчеркивалось в этом руководящем документе, могут занять УРы лишь по специальному приказу командования фронтом в количестве, определяемом командованием фронта.

В соответствии с требованиями этой директивы, военным округам были отданы приказы о строительстве укрепленных районов, начатых в 1940 г., а также некоторых новых. Согласно плану, утверждённому Советом Народных комиссаров 12 февраля, на оборонительное строительство в 1941 г. было отпущено 930 млн. рублей. Из этой суммы Прибалтийскому округу предназначался 459 млн. рублей, Западному — 222 млн. и Киевскому — 81 млн. рублей. Распределение денежных средств на оборонительное строительство, из которых 50% предназначалось Прибалтийскому округу, свидетельствует о том, что там намеревались вести оборону, а на юго-западном и левом участке западного направления рассчитывали, как и предусматривалось оперативным планом, после отражения вторжения противника — наступить. Военному совету Прибалтийского округа было указано, что строительство укрепленных районов является важнейшим правительственным заданием на 1941 год, на выполнение которого должны быть направлены основные усилия.

Позже, в связи с вскрытием сосредоточения крупной группировки немецких войск южнее Полесья, Советское правительство, по представлению наркома обороны, 18 марта 1941 г. дополнительно выделило Киевскому округу на строительство укрепленных районов 252 млн. рублей. 20 марта Тимошенко отдал директиву Военному совету этого округа об усилении темпов строительства и возведении ряда дополнительных узлов обороны.

Строительство укрепленных районов вдоль новой государственной границы велось высокими темпами. Для организации и руководства оборонительными работами были сформированы управления начальника строительства (УНС) и 138 строительных участков. В целях обеспечения рабочей силой были сформированы 84 строительных батальона, 25 отдельных строительных рот и 17 автобатов. Кроме того, на строительство привлекли 160 инженерных и саперных батальонов приграничных округов и 41 батальон из внутренних округов. Вместе с этими инженерно-строительными частями с весны 1941 г. на строительстве находилось 17 820 вольнонаемных рабочих.

Чтобы представить объем оборонительных работ достаточно указать, что на строительство сооружений в укрепленных районах Прибалтийского округа ежедневно выходило 57 778 человек, Западного округа — 34 930 человек и Киевского — 43 006 человек. Для перевозки строительных материалов и оборудования военные советы округов и армий направили большое количество автомашин и тракторов-тягачей из артиллерийских частей.

В результате принятых мер количество боеготовых сооружений к началу войны увеличилось. Тем не менее, строительство укрепленных районов было далеко от завершения. В результате этого между УРами имелись неукрепленные участки местности шириной от 10 до 80 км и более. Чтобы представить, какова была готовность УРов, рассмотрим хотя бы состояние Гродненского УРа, которому в порядке важности обеспечения операционных направлений: Сувалки — Лида; Сувалки — Белосток; Сувалки — Гродно уделялось основное внимание Военного совета Западного округа. В этом укрепленном районе протяженностью 80 км к концу 1941 г. должно было быть возведено 373 сооружения. Но на 1 июня было построено только 165 огневых точек. Слабым местом в системе обороны этого УРа, как указывалось в докладе Военного совета округа Наркому обороны, был открытый правый фланг на участке р. Неман — Соничи. Для того чтобы ликвидировать этот недостаток и предупредить обход противником правого фланга УР, планировалось построить два опорных пункта с целью прострела промежутка до р. Неман и установления связи с участком обороны полевых войск на восточном берегу. Однако к этим работам так и не успели приступить, а именно здесь, на неукрепленном стыке Северо-Западного и Западного фронтов нанесла удар 3-я танковая группа генерала Гота.

В целом УРы первой линии Западного военного округа на 1 июня имели всего 193 вооруженных долговременных сооружения, 909 сооружений полевого типа и 193 закопанных танка, вооруженных 45 мм пушкой. При ширине полосы прикрытия округа 470 км это составляло общую оперативную плотность около трех огневых точек на один километр фронта.

Не лучше обстояло дело и в других приграничных округах. Боеготовность УРов снижалась из-за неукомплектованности постоянных гарнизонов, а также из-за того, что в мирное время части укрепленных районов не жили и не учились в дотах. Артиллерийско-пулеметные части УРов до 1940 г. содержались в составе 25% от штата военного времени. Укомплектованные офицерами из пехотных частей, они были плохо подготовлены к ведению огня.

Полевые войска могли занять УР лишь в случае угрожающего положения по специальному приказу командующего округом, который мог быть отдан только с разрешения наркома обороны.

Анализ задач и общего замысла на прикрытия, а также состояния укрепленных районов показывает, что расчеты политического и военного руководства построить устойчивую оборону не подкреплялись реальными возможностями. Планируемые контрудары армейскими и фронтовыми резервами не были обеспечены реальными силами для их нанесения. Механизированные корпуса, которые должны были составлять основу контрударных группировок, не были укомплектованы и потому являлись лишь частично боеспособными. Артиллерийские противотанковые бригады, имея в основном штатную численность, были слабо подготовлены, чтобы вести борьбу с танками.

В основу организации планирования обороны государственной границы была положена жесткая централизация. Вышестоящие штабы определяли задачи войскам на две-три ступени ниже, что объясняется, по-видимому, стремлением сохранить в глубокой тайне все намечаемые мероприятия.

Разработка планов прикрытия штабами военных округов закончилась в последние перед войной дни, и поэтому они не были в достаточной степени освоены исполнителями. Генеральный штаб эти планы получил 10–20 июня. Рассмотреть и утвердить их времени уже не было. Однако это не означает, что войска вступили в войну, не имея конкретных боевых задач. Армейские планы прикрытия были в основном утверждены, задачи соединениям определены. Армейские районы прикрытия делились на участки, нарезаемые для корпусов, и под участки — для дивизий в соответствии с конкретными условиями.

Основой окружных планов обороны являлись планы прикрытия армий. Что собой представляли эти документы, видно на примере 4-й армии Западного и 6-й армии Киевского военных округов, прикрывавших главные направления. 4-я армия в составе 28-го стрелкового (42, 6, 75 и 100 стрелковые диви-

зии) и 14-го механизированного (22-я и 30-я танковые и 205-я моторизованная дивизии) корпусов, 62-го Брестского укрепленного района и 10-й смешанной авиационной дивизии прикрывала брестское направление, на котором группа армий «Центр» наносила главный удар. В директиве округа для армии были даны следующие указания: сроки подъема по тревоге и занятия оборонительных позиций для 6-й сд — 3–9 часов, 75-й сд — 4–10 часов, 42-й сд — 30 часов. 100-я сд перевозится автотранспортом и по железной дороге и сосредоточивается в районе Черемха на «М-3». Далее в директиве округа указывалось, что «с началом боевой тревоги будет начата подготовка и оборудование тыловых оборонительных позиций, армейских и фронтовых. Рекогносцировка этих рубежей и составление плана работ на них будут произведены на полевой поездке в июле 1941 г. Материальное обеспечение войск: до 15-го дня мобилизации армии отпускается огнеприпасов — три боекомплекта (один в войсках, два в окружных складах), горючего для боевых машин — три заправки, для транспортных — пять заправок (две в войсках, три в окружных складах). План прикрытия вводится в действие при получении шифротелеграммы за подписью командующего войсками, члена Военного совета и начальника штаба округа с условным содержанием: „Вскрыть «красный пакет»“ и приступить к действиям по плану».

В соответствии с этими указаниями и был разработан армейский план, который по существу повторял их. Основным недостатком армейского, как и окружного планов являлась их нереальность. Недостатки решения командования округа автоматически были перенесены в армейский план прикрытия. На основе армейского плана были разработаны приказы всем соединениям, вложены в так называемые «красные пакеты» вместе с инструкциями для выхода войск по боевой тревоге и отправлены в опечатанных пакетах исполнителям.

6-я армия в составе 6-го стрелкового, 4-го и 15-го механизированных корпусов получила задачу прикрыть сосредоточение и развертывание войск на львовском направлении, не допустить прорыва противника на территорию СССР, а вклинившиеся части уничтожить»¹⁵. Ширина полосы прикрытия армии составляла 165 км. Опорой ее являлись Струмиловский и Рава-Русский укрепленные районы.

Пограничные отряды, а их в полосе 6-й армии было два (91 и 92), должны были поддерживать прочную связь с так называемыми отрядами поддержки, выделенными от дивизий первого эшелона. Всего в полосе армии было образовано 8 отрядов, каждый в составе одного усиленного стрелкового батальона. В случае нападения противника пограничники должны были вызвать отряды поддержки и совместно с ними в предполье уничтожить вражеские части. Тем временем должны были выдвигаться на полевые позиции основные силы первого эшелона и постоянные гарнизоны укрепленных районов (21, 36, 44, 140 и 141-й

пулеметные батальоны). «Готовность обороны, — указывалось в плане, — через два часа после объявления войны»¹⁶ (И это делается после того, как было доказано, что войны теперь не объявляются, а просто начинаются заблаговременно изготовившимся противником).

В случае прорыва противником предполья, отмечалось в документе, задача частей укрепленного района не допустить дальнейшего продвижения и во взаимодействии с полевыми войскам остановить вторгшегося врага. При вторжении крупной группировки в сражение должны были вводиться резервы района прикрытия (механизированные корпуса). С этой целью каждому механизированному корпусу было определено несколько направлений контрударов. Совместно с авиацией, и артиллерийскими противотанковыми бригадами они должны были уничтожить вторгшегося агрессора.

Таковы, в основном, были задачи и других армий прикрытия.

Прикрытие западной границы Советского Союза, протяженность которой достигала 4520 км, возлагалась на войска пяти военных округов.

В первом эшелоне планировалось развернуть 63 дивизии и 2 бригады. Во второй эшелон армий прикрытия выделялась 51 дивизия, остальные 45 дивизий составляли резервы или вторые эшелоны округов. На 15–20-е сутки мобилизации при помощи местного населения должно быть оборудовано на глубине 100–150 км от границы до 4 фронтовых рубежей. Но рекогносцировка этих рубежей и составление плана работ к началу войны не были завершены. На случай вынужденного отхода предусматривалось создание системы заграждений, разрушение дорог, мостов, железнодорожных путей и других объектов. Однако команды подрывников заблаговременно подготовлены не были, взрывчатка — не завезена.

Построение обороны армий прикрытия имело существенным недостатком. Передний край большинства дивизий проходил по государственной границе и предполье (полоса обеспечения) здесь отсутствовало. На расположение войск Западного и Юго-Западного, округов большое влияние оказал наступательный характер планируемых стратегических действий. С этой целью крупные силы сосредоточивались в белостокском и львовском выступлениях. В случае своевременного развертывания войск в районах прикрытия эти группировки, состоявшие в основном из подвижных соединений, могли сыграть большую роль в разгроме вторгшихся группировок противника. Но так как заблаговременно этого не было сделано, то эти войска при необеспеченности оснований указанных выступов сами могли оказаться в тяжелом положении, как это убедительно показала первая январская оперативно-стратегическая игра.

Противник как раз и планировал нанести свои главные удары под основания этих выступов, на стыках между военными округами, где оборона была наиболее слабой. Значительное количество

соединений, планируемых в состав войск прикрытия, находились в стадии формирования и имели низкую боевую готовность.

Крупный недостаток был и в организации противоздушной обороны войск. Прикрываемая территория разделялась на районы и участки прикрытия. Однако единого управления истребительной авиацией и зенитной артиллерией организовано не было.

Группировка авиации создавалась таким образом, чтобы поддерживать Западный и Юго-Западный фронты при ведении ими наступательных операций, которые должны были начинаться после отражения вторжения. Этим обуславливалась ее дислокация вблизи государственной границы.

В планах прикрытия важное место отводилось последовательности сосредоточения войск. Первыми, через 45 минут после объявления тревоги, занимали оборону отряды поддержки. Далее под прикрытием боевого охранения, должны были выдвигаться части дивизий первого эшелона армий прикрытия. Первый эшелон этих дивизий должен был занять оборону через 3–9 часов¹⁷. Сроки готовности частей определялись временем, необходимым для сбора по тревоге и выхода в назначенный район.

План прикрытия предусматривалось вводить в действие при объявлении мобилизации автоматически, а в других случаях только распоряжением наркома обороны шифрованной телеграммой: «Прступить к выполнению плана прикрытия 1941 г.»¹⁸.

Весь план прикрытия, как и ввод его в действие, не был рассчитан на внезапное вторжение противника на земле и в воздухе. Все расчеты исходили из того, что даже армиям прикрытия будет предоставлено в «угрожаемый период» (был и такой официальный термин) время на отмотилизование. Игнорировалась реально сложившаяся обстановка, характеризовавшаяся полной готовностью немецких стратегических группировок к наступлению и незавершенным развертыванием советских войск. Проявлялась к тому же и недооценка агрессивности Германии и мощи ее вооруженных сил. Все это привело к серьезнейшим просчетам в подготовке Красной Армии и страны к надвигающейся войне.

В решении важных мобилизационных вопросов политическое и государственное руководство порой проявляло медлительность, а иногда и бюрократическую волокиту. Так, мобилизационный план развертывания промышленности на военное время, представленный начальником Генерального штаба Ворошилову, пролежал у него в сейфе более месяца, и только после обращения Жукова к Сталину план был рассмотрен, но так и не утвержден, потому что началась война¹⁹.

Главный военный совет 16 августа 1940 г. принял решение о разработке мобилизационного плана МП-41, рассчитанного на ввод в действие к 1 мая 1941 г. Нарком обороны 3 октября 1940 г. утвердил календарный план работ по созданию этого документа. В связи с задержкой решения вопроса о количестве призываемых возрастов директива по вопросам комплектова-

ния в округа не была отправлена. Поэтому намеченные сроки разработки плана МП-41 были сорваны.

В этих условиях начальник Генерального штаба потребовал проводить разработку нового плана МП-41 с одновременным уточнением существующей схемы развертывания, сохраняя постоянную мобилизационную готовность всех формирований до ввода нового плана в действие. В основу же новой схемы развертывания Красной Армии были положены: новая организационная структура стрелковых и танковых войск, артиллерии и военно-воздушных сил; изменения в дислокации частей и соединений; сроки отмотилизования в каждом округе.

12 февраля Жуков представил правительству новый мобилизационный план МП-41, который после тщательного рассмотрения был утвержден. Разработку документов по мобилизационному плану предписывалось начать немедленно, с расчетом окончания всех работ как в центре, так и на местах к 1 июля 1941 г.²⁰

Вооруженные силы намечалось развернуть в составе: 303 дивизий (из них: стрелковых — 198, танковых — 61, моторизованных — 31, кавалерийских — 13), 346 авиаполков, 5 управлений воздушно-десантных корпусов, 10 отдельных противотанковых артиллерийских бригад РГК, 94 корпусных артиллерийских полка, 72 артиллерийских полка РГК. Кроме того, предусматривалось развертывание соответствующего количества частей боевого обеспечения и обслуживания войск армий и фронтов.

После мобилизационного развертывания численность армии должна была составить 8,9 млн. человек. В ее составе должно было насчитываться 32 628 самолетов (из них 22 171 боевых), свыше 106 тыс. орудий и минометов, около 37 тыс. танков, 10 679 броневых автомобилей, около 91 тыс. тракторов, 595 тыс. автомобилей²¹. В соответствии со взглядами на характер войны значительно возрос удельный вес в сухопутных войсках автобронетанковых войск, который составил 16%, войск ПВО — 6%, артиллерии РГК — 7%. На военно-воздушные силы приходилось 15%.

К началу войны проявились весьма серьезные противоречия. С одной стороны, планируемый количественный рост армии требовал значительного повышения ее боевой мощи и обеспечения возможности по отражению вторжения агрессоров. При этом все стратегические расчеты велись из предположения, что средства и возможности для такого роста есть. С другой стороны, С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков, подхлестываемые Сталиным, намечая эти крупные мероприятия, не в полной мере учитывали особенности военно-политической обстановки кануна войны и возможности промышленности. Потребности армии с государственными планами производства боевой техники и вооружения не были детально и объективно согласованы. Это повлекло за собой увеличение некомплекта в войсках, который не мог быть покрыт в результате мобилизации. В результате

этого появилось большое количество небоеспособных или ограниченно готовых соединений и частей, а те, которые были обращены на формирование новых соединений, как, например, танковые и воздушно-десантные бригады, утратили прежнюю боеспособность.

Сложным оказался вопрос эшелонирования и размещения боеприпасов. Свыше 41% всех баз и складов находились в западных военных округах. Исходя из оперативного плана, в соответствии с которым войска Юго-Западного и часть сил Западного фронтов должны были вскоре после начала войны наступать, мобилизационные запасы боеприпасов оказались приближены к границе, что, как показали последующие события, стало серьезной ошибкой. Отмобилизование армии планировалось провести поэшелонно в течение одного месяца. Соединения, входящие в состав армий прикрытия планировалось отмобилизовать в два эшелона. Сроки готовности первого эшелона к выступлению в поход определялись в пределах от 2 до 6 часов. Время отмобилизования второго эшелона — на 2–3-и сутки мобилизации. Армии прикрытия при переходе на штаты военного времени должны были получить до 25–30% личного состава.

Очень плохо обстояло дело в тыловых частях и учреждениях. В дивизиях приграничных округов комплект личного состава в тыловых частях составлял около 50%. Личный же состав тыловых частей и учреждений фронта в кадрах вообще не состоял и был приписан из запаса со сроком прибытия на 15-е сутки мобилизации. Обеспеченность тыла транспортом не превышала 30%, а в стрелковых дивизиях — 30–50%.

Итак, из 303 дивизий, которые должны были отмобилизовываться по плану МП-41, 172 дивизии имели сроки полной готовности на 2–4-е сутки, 60 дивизий — на 4–5-е сутки, а остальные — на 6–10-е сутки мобилизации. Все оставшиеся боевые части, фронтовые тылы отмобилизовывались на 8–15 сутки. Полное отмобилизование вооруженных сил предусматривалось в течение месяца²².

Неблагоприятные условия и весьма сжатые сроки не позволили полностью закончить разработку окружных мобилизационных планов к началу войны. В Минском, Смоленском, Белостокском областных и в трех районных военкоматах, а также в ряде частей и соединений сроки работ по составлению мобпланов не выдерживались. Заявки на перевозки специалистов в Западном округе, начальствующего состава запаса в Киевском округе составлялись без учета мобилизационной потребности²³. Проверка 12 июня 1941 г. показала, что приписка военнообязанных к частям Прибалтийского военного округа в военных комиссариатах г. Москвы и Московской области была проведена неудовлетворительно²⁴.

Информация и трансформация

В конце 1939 г. министерство иностранных дел Германии выпустило в свет «Белую книгу». В ней была

опубликована запись беседы А. Гитлера с послом Великобритании в Берлине Гендерсоном. «В отличие от предыдущей войны, Германии не придется воевать на два фронта, — заявил канцлер Германии. — Соглашение с Россией безоговорочно и означает поворот во внешней политике Германии на долгое время. Россия и Германия ни при каких обстоятельствах не поднимут больше оружия друг против друга», — заключил он²⁵.

Почти в то же время, когда появилась эта книга, 23 ноября 1939 г. А. Гитлер выступил на совещании руководителей вермахта. «Целью моей, — сообщил он своим генералам, — являлось установление разумных пропорций между численностью нации и ее жизненным пространством. А этого можно добиться только путем борьбы... Сегодня мы ведем борьбу за нефтяные источники, за каучук, полезные ископаемые и т. д.». Рассуждая о последовательности завоевательных планов, фюрер заметил: «Мольтке одно время склонялся к превентивной войне, стремясь использовать более медленное проведение мобилизации русскими... После смерти Мольтке была упущена масса удобных случаев. Решения возможно было добиться лишь путем нападения на ту или иную страну при самых благоприятных условиях... Я долго колебался при решении вопроса, где мне следует сначала выступить — на Востоке или на Западе... Мы сможем выступить против России лишь после того, как освободимся на Западе»²⁶.

Содержание этой речи вскоре стало известно И. В. Сталину. Из него он сделал вывод, что война с Германией неизбежна, но что она выступит против СССР только тогда, когда завоюет нефть и закончит войну с Англией, чтобы закрыть западный фронт. Этот вывод он довел до сведения своего окружения и тех руководящих лиц, которые поставляли разведывательную информацию. Зная из предыдущего раздела оперативно-стратегические и мобилизационные документы, небезынтересно проследить, как официальный орган наркомата обороны СССР газета «Красная звезда» информировала и готовила к грядущим боям своих читателей.

В отличие от германских газет, которые по указанию Гитлера называли 1941-й год «Годом великих решений», передовая статья «Красной звезды» за 1 января озаглавлена: «Год великих побед». Проанализировав вопросы внутренней и внешней политики советского государства, анонимный автор заключает: «Международная обстановка не сулит человечеству успокоения. Наоборот, зарю нового года заволочли черные тучи еще более ожесточенной борьбы на фронтах второй мировой империалистической войны. Мы должны быть начеку!»

В газете приведены исторические слова А. В. Суворова: «Далеко шагает! Пора, пора унять молодца!», сказанные им по поводу успешных походов Наполеона. Эти слова, естественно, направлялись в адрес Гитлера — «продолжателя дела Наполеона», каковым он себя считал.

Периодически в газете публиковались статьи под заголовком «Международный обзор» за подписью «Наблюдатель». Это означало, что в них выражались официальные указания, исходившие из Главного управления пропаганды (впоследствии Главпура) РККА «Уже первые дни 1941 года ознаменовались событиями, показывающими, что воюющие державы интенсивно готовятся к дальнейшему расширению войны, — отмечается в статье от 9 января. — Германия, сохраняя в своих руках инициативу действий на Западе, будет добиваться победы раньше, чем ее противник мог бы существенным образом усилить свою оборону с помощью США... Характерно, что в последнее время с германской стороны все подчеркивается значение морского фактора для грядущих событий... Внимание широкой печати привлекло сообщение итальянского агентства Стефони о том, что в Италию прибыл германский авиационный корпус для участия в воздушных операциях в зоне Средиземного моря». Этим сообщением читателю навязывался вывод, что в 1941 году рамки войны Германии с Англией будут расширяться.

В последний день первого месяца рокового года были опубликованы выдержки из речи Гитлера, произнесенной накануне: «Гитлер заявил: прошедший год уже решил исход войны. Мы создали определенные базы, и когда придет час, замахнемся для решительного удара». Далее, судя по комментариям, он разглагольствовал о намерениях английского руководства: «Они, может быть, надеются на другие государства, которые они могли бы еще втянуть в войну. Я могу только заверить их: мы учли всякую возможность какая только мыслима».

6 февраля «Наблюдатель» заключил: «Что касается ближайших стратегических планов держав оси, то большинство политических и военных наблюдателей сходятся в том, что основное внимание генеральных штабов Германии и Италии в данное время концентрируется на развертывании операций в бассейне Средиземного моря».

25 февраля «Красная звезда» цитирует речь Гитлера, произнесенную им на собрании, посвященном 21-й годовщине со дня основания национал-социалистской партии: «Наша борьба на море только теперь может быть начата. Мы никогда не ставили себе таких целей: 1 марта, или 1 июня, или 7 сентября должно произойти то-то или то-то. Это знают только журналисты наших врагов. Во время войны они неоднократно предсказывали поражение Германии. Осенью они говорили: если теперь не произойдет высадка войск, то все будет в порядке; весной 1941 года Англия начнет наступление на континент. Я продолжаю ждать этого английского наступления. Они перенесли его в другое место. Мы должны их бить там, где мы их найдем, куда бы они ни направлялись. Мы застанем их там, где удар будет для них наиболее уничтожающим». В тот же день, газета сообщила, что «на собрании чернорубашечников в Риме выступил с речью Муссолини:

«что бы ни случилось, победа держав оси обеспечена и Италия пойдет с Германией до конца».

4 апреля «Красная звезда» уведомила читателей о том, что «в этом году выпускается большое количество киноплёночных диапозитивов на оборонные темы... В новую военно-историческую серию, выпускаемую в текущем году, войдут очерки о жизни и боевой деятельности великих русских полководцев Кутузова, Багратиона, Суворова».

4 мая газета была заполнена материалами о параде войск на Красной площади и праздновании дня 1 мая. На первой странице большое фото трибуны Мавзолея Ленина, из которого мы узнали, что между Сталиным и Молотовым стоял советский полпред в Германии Деканозов. Во время речи наркома обороны мы долго всматривались, гадая, кто бы это мог быть. Но выяснили лишь по надписи под фотографией. Подобного факта никогда не было, так как по статусу там положено было быть членам и кандидатам в члены Политбюро, секретарям ЦК и высшим военным руководителям. Видимо, этим фактом Сталин хотел показать особую значимость в тот напряженный момент советско-германских отношений. Но вместе с тем этот эпизод говорил и о его особом расположении к Деканозову — выдвигенцу Берии, вместе с ним расстрелянному в 1953 году.

21 мая вместо передовицы «Красная звезда» напечатала редакционную статью: «Внимание к учебным сборам запаса рядового и младшего начальствующего состава». «На днях начались на основании приказа НКО очередные учебные сборы запаса, — указывалось в ней. — В частях Красной Армии развертывается переподготовка призванного рядового и младшего начальствующего состава запаса...

В армию вольются целые сотни тысяч бойцов, знающих старую материальную часть, но не вполне еще знакомых с новой материальной частью. Задача кадров Красной Армии состоит в том, — указывалось, конечно же, руководством наркомата обороны, — чтобы дать возможность этим сотням тысяч бойцов овладеть новой военной техникой в короткий срок».

2 июня газета уведомила читателей о том, что «Гитлер и Муссолини встретились сегодня в Бреннере и в присутствии Риббентропа и Чиано в течение нескольких часов беседовали о политическом положении». С этого времени и до 14 июня газета словно умолкла. Никаких настораживающих публикаций не было. 14 июня в центральных газетах появляется успокаивающее и притупляющее бдительность народа «сообщение ТАСС». Ввиду особой важности этого документа, отредактированного самим Сталиным и раскрывающего его стремление во чтобы то ни стало предотвратить в 1941 году войну, приводим его полностью.

«Сообщение ТАСС

Еще до приезда английского посла г. Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще иностранной печати стали муссироваться

слухи о „близости войны между СССР и Германией“. По этим слухам: 1) Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера, и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними; 2) СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредоточивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР; 3) Советский Союз, в свою очередь, стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредоточивает войска у границ последней».

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем! расширении и развязывании войны.

ТАСС заявляет, что: 1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь место; 2) по данным СССР, Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерениях Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям; 3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией являются лживыми и провокационными; 4) проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии, по меньшей мере нелепо».

В течение последующей недели, вплоть до начала войны, никаких настораживающих сообщений в «Красной звезде» не было.

Вот ведь какой парадокс: все усилия после советско-финляндской войны, как свидетельствуют исторические документы, Сталин направлял на подготовку к отражению фашистской агрессии, верил в неизбежность войны с Германией, а тут...

Немецкое командование придавало внезапности решающее значение. В памятной записке «Об основном замысле операции против России», составленной начальником оперативного отдела генерального штаба сухопутных войск генералом Ф. Паулюсом 29 октября 1940 г., указывалось, что для достижения решающего превосходства немецких войск в силах

и средствах над Красной Армией необходимо достижение внезапности вторжения. В плане «Барбаросса» подчеркивалось: «Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны». «Предполагалось, — заметил впоследствии бывший начальник разведывательного отдела генерального штаба генерал К. Типпельскирх, — что русские войска не смогут отразить внезапных ударов немецких армий».

С целью введения советского политического и военного руководства в заблуждение был издан ряд документов, в том числе директива начальника штаба верховного Главнокомандования фельдмаршала В. Кейтеля от 15 февраля 1941 г. Сосредоточение войск на востоке представлялось в ней «в свете величайшего в истории дезинформационного маневра с целью отвлечения внимания от последних приготовлений к вторжению в Англию».

На заблуждение Сталина, от которого, как известно, зависело все, изначально повлияло дошедшее до него вышеуказанное заявление Гитлера от 23 ноября 1939 г. На сложившуюся у него точку зрения легко «укладывались» дезинформационные мероприятия немцев. Из обширной информации, поступавшей в Разведывательное управление Генерального штаба генералу Ф. И. Голикову, наркому Военно-Морского Флота адмиралу Н. Г. Кузнецову, народному комиссару государственной безопасности Л. П. Берия и в наркомат иностранных дел, и регулярно докладываемой Сталину, он как бы избирательно извлекал те факты, которые подкрепляли его вывод.

А такие факты имели место в донесениях источников. «В связи с успешным продвижением войск в Ливии, — сообщал 17 апреля из Берлина агент НКГБ, — африканские победы стоят в центре внимания. Настроение кругов, ратующих за нападение на Советский Союз, несколько утихло, так как они получили новые надежды выиграть войну с Англией». 24 апреля тот же агент сообщает: «В настоящее время генштаб авиации почти полностью прекратил разработку русских объектов и интенсивно ведет подготовку к акции, направленной против Турции, Сирии и Ирака. Акция против СССР; кажется, отодвинута на задний план».

Вполне возможно, что на Сталина оказывала определенное воздействие и пресса. После «триумфального шествия» германской армии по Западной Европе зарубежная пресса пестрила догадками, куда направится она позже. Германское руководство решило использовать мутный поток пропаганды для разного рода провокационных измышлений и инсинуаций. Немецкие агенты в зарубежных странах по заданию Берлина фабриковали «факты» о приготовлениях СССР к нападению на Германию и публиковали их в газетах. Эти выдумки, как «достоверные сведения» передавались из одной страны в другую. Публиковались действительно достоверные факты, в которые уже трудно, как казалось, было не верить.

Но он — Сталин — верил в самого себя, в свою прозорливость и мудрость и сложившуюся точку зрения о том, что Германия не закончив войну с Англией, на СССР не нападет, навязал другим. Поэтому они до поры до времени поддакивали ему в этом. Одним из наиболее ярких примеров такой позиции является докладная записка Ф. И. Голикова на имя И. В. Сталина от 20 марта 1941 г., озаглавленная «Высказывания и варианты возможных боевых действий германской армии против СССР». Ниже приводим выдержки из этого большого по объему документа.

«За последнее время английские, американские и другие источники говорят о готовящемся, якобы, нападении Германии на Советский Союз... Из наиболее вероятных вариантов действий намечаемых против СССР, — заслуживают внимания следующие:...

Вариант № 3, по данным нашего агентурного источника на февраль 1941 года: „Для наступления на СССР создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бок наносит удар в направлении Петроград; 2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рунштедт — в направлении Москва и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееб — в направлении Киев. Начало наступления на СССР ориентировочно 20 мая“.

По сообщению нашего военного атташе от 14.3 из Румынии, упорно распространяются слухи о том, что Германия изменила свой стратегический план войны. В разговоре с нашим источником немецкий майор заявил: „Мы полностью изменяем наш план. Мы направляемся на Восток, на СССР. Мы заберем у СССР хлеб, уголь, нефть. Тогда мы будем непобедимыми и можем продолжать войну с Англией и Америкой“. Полковник Риошану, бывший товарищ министра в Румынии, в личной беседе с нашим источником сказал, что главный штаб румынской армии вместе с немцами занят сейчас разработкой плана войны с СССР, начало которой следует ожидать через три месяца. Немцы опасаются выступления СССР в тот момент, когда они пойдут в Турцию. Желая предупредить опасность со стороны СССР, немцы хотят проявить инициативу и первыми нанести удар, захватить наиболее важные экономические районы СССР и прежде всего Украину.

По сообщению нашего военного атташе из Берлина, по данным вполне авторитетного источника, начало военных действий против СССР следует ожидать между 15 мая и 15 июня 1941 года.

Вывод:

1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.
2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию,

исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки.

Начальник Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии генерал-лейтенант Голиков».

20.3.41 г.

На обороте последней страницы машинописной копии было указано: «Один экземпляр этого документа, но не первый, имеется в ГРУ. Он не подписан. Не исключена возможность, что подлинник кому-либо передавался или первый экземпляр представлен лично».

Обнаружив в архиве Генерального штаба этот ценный документ, в котором впервые был изложен замысел плана «Барбаросса с указанием, хотя и ошибочно, даже командующих группами армий, я решил рано или поздно, когда спадут; цензурные и друг препоны, ввести его в научный оборот. Но для этого нужно было искать подлинник или получить подтверждение у, к счастью здравствующего еще тогда исполнителя, уже Маршала Советского Союза Ф. И. Голикова. Не найдя подлинника, в 1965 г. обратился к находившемуся в архиве Ф. И. Голикову. Состоявшийся диалог привожу почти полностью.

- Товарищ маршал! Помните ли вы свою докладную записку Сталину от 20 марта 1941 года?
- Как же, хорошо помню. Ведь в ней были изложены факты, которые потом подтвердились.
- Вот именно. А как Сталин отнесся к ним?
- Он их оценил так же, как и я.
- Почему Вы сделали вывод, который отрицал вероятность осуществления изложенных планов Гитлера? Вы сами верили этим фактам или нет?
- А вы знали Сталина?
- Я видел его на трибуне Мавзолея Ленина, когда стоял в парадных расчетах.
- Ну вот, а я ему подчинялся, докладывал и боялся его. У него сложилось мнение, что пока Германия не закончит войну с Англией, на нас не нападет. Мы, зная его характер, подстраивали свои заключения под его точку зрения.

А что это действительно было так, я подтвержу ниже другими документами.

Характерно, но факт, что этих сведений не знал начальник Генерального штаба. Увидев у меня в рукописи будущей книги «Бессмертный подвиг» этот документ 26 мая 1965 г., он удивился. На мой вопрос он ответил, что Ф. И. Голиков ему не подчинялся он докладывал напрямую Сталину и некоторые материалы сообщал Тимошенко. Но об этом документе он, по-видимому, не сообщил и ему, так как нарком, как правило, делился со мной получаемой информацией.

После балканского похода в апреле многим казалось, что Германия устремится в страны Ближнего Востока. Контрудар африканского корпуса генерала Э. Роммеля по английским войскам, нанесенный также в апреле, приблизил военные действия к границам Египта. В это же время оказался под угрозой контроль англичан над Ираком. Ходили упорные слухи о пред-

стоящем вторжении немцев в Сирию. На сирийских аэродромах в апреле приземлилось около ста немецких и двадцать итальянских самолетов.

Руководители США и Англии, видя из разведывательных данных, получаемых ими о подготовке Германии к нападению на Советский Союз, также решили поделиться этой информацией со Сталиным. Первое сообщение было сделано в начале 1941 г. заместителем государственного секретаря США С. Уэллсом в беседе с советским послом в Вашингтоне.

19 апреля 1941 г. посол Великобритании в Москве сэр Стаффорд Криппс направил письмо заместителю народного комиссара иностранных дел А. Я. Вышинскому, к которому приложил личное послание премьер-министра У. Черчилля на имя Сталина следующего содержания: «Я получил от заслуживающего доверия агента достоверную информацию о том, что немцы после того, как они решили, что Югославия находится в их сетях, то есть после 20 марта, начали переброску в южную часть Польши трех из находящихся в Румынии пяти бронетанковых дивизий. В тот момент, когда они узнали о сербской революции, это передвижение было отменено. Ваше превосходительство легко оценит значение этих фактов»²⁷.

Как указывает английский журналист Иан Колвин, эти сведения английская разведка получила от начальника абвера адмирала Канариса²⁸.

Сталин не хотел верить никаким источникам. Рихард Зорге одним из первых еще 18 ноября 1940 г. сообщил о начале подготовки Германии к войне против СССР. Весной 1941 г. он неоднократно доносил в Москву об этом. 2 мая Зорге со слов германского посла в Японии Отта, от которого он и получил информацию, будучи с ним в доверительных отношениях, информировал центр: «1. Гитлер решительно настроен начать войну и разгромить СССР, чтобы получить европейскую часть СССР в качестве сырьевой и зерновой базы. 2. Критические сроки вероятного начала войны: а) завершение разгрома Югославии; б) окончание сева; в) завершение переговоров Германии и Турции. Решение о начале войны будет принято Гитлером в мае». Еще один документ:

«6 мая 1941 г.

ЦК ВКК(б)

№ 48582сс

Тов. Сталину И. В.

Военно-морской атташе в Берлине капитан 1 ранга Воронцов доносит:

«Советский подданный Бозер (еврей, бывший литовский подданный) сообщил помощнику нашего моратташе, что со слов одного германского офицера из ставки Гитлера, немцы готовят к 14 мая вторжение в СССР через Финляндию, Прибалтику и Румынию. Одновременно намечены мощные налеты авиации на Москву и Ленинград и высадки парашютных десантов в приграничных центрах...».

Полагаю, что сведения являются ложными и специально направлены по этому руслу, с тем чтобы

дошли до нашего Правительства и проверить, как на это будет реагировать СССР.

Адмирал Кузнецов

Отпечатано 4 Экз.

Экз. № 1 — т. Сталину

Экз. № 2 — т. Молотову

Экз. № 3 — т. Жданову

Экз. № 4 — в дело

На экз. № 3 этого сообщения, возвращенно из ЦК ВКП(б) имеется запись: «Вернуть / Тов. Жданов ознакомлен. 6.V.41 г. А. Куз»

Угодную Сталину информацию, по словам Жукова, направлял и полпред в Германии В. Деканозов. На приемы, часто устраиваемые им, регулярно приходили два человека: сотрудник министерства иностранных дел Мейснер, дипломат «старой школы», но близко стоявший к Гитлеру, и отставной дипломат, слышавший доверенным лицом Риббентропа граф фон Чайковский. Они без устали твердили о необходимости дальнейшего улучшения советско-германских отношений, заявляя при этом, что руководители третьего рейха дено и ночью только и пекутся о том, чтобы наши отношения были тесными и искренними. В начале июня Мейснер «доверительно» сообщил, что в имперской канцелярии разрабатываются новые предложения по укреплению советско-германской дружбы, которые будто бы Гитлер вскоре представит Москве.

Цель подобного рода информации — очевидна. Заключение из нее и направлял В. Деканозов Сталину.

По-видимому, точку зрения Сталина на невозможность войны между СССР и Германией, пока не будет закончена война с Англией, Молотов довел до сведения полпредов в Западных странах. Получая достоверную информацию, они относились к ней с подозрением. Кроме В. Деканозова так поступали А. Е. Богомолов — полпред во Франции, И. М. Майский в Англии. Характерно в этом отношении беседа Майского с С. Криппсом, состоявшаяся в Лондоне 21 июня 1941 г. Запись этой беседы на имя Сталина и Молотова была получена в Москве в 11 часов 22 июня.

- «1. Ко мне сегодня заезжал Криппс, — сообщал полпред, — и сообщил следующее: Так как он продолжает быть твердо уверенным, что вооруженный конфликт между СССР и Германией неизбежен в ближайшие дни, повторяю в ближайшие дни (в обоснование Криппс опять повторил примерно то, что говорил мне уже на днях), то он считает своим долгом принять все необходимые меры для того, чтобы в случае такого конфликта тесный контакт между Англией и СССР был установлен с первого же момента и чтобы британское правительство могло без всякого промедления оказать СССР ту помощь, о которой Иден говорил мне 13 июня...
2. Далее Криппс задал мне вопрос: согласно ли было бы Советское правительство в указанном случае (т. е. в случае нападения Германии) вступить в контакт с Англией? Или же оно предпочло

бы действовать самостоятельно? Я ответил, что ничего не могу сказать по этому поводу. Тем более, что вся картина, которую только что нарисовал передо мной Криппс, кажется мне более, чем гипотетической. И далее я развил Криппсу ряд соображений, по которым я по-прежнему считаю германскую атаку на СССР очень маловероятной... Криппс полагает, что выступление Германии против СССР произойдет, вероятно, около 29 июня. На мой вопрос: почему именно 29 июня? — Криппс ответил, что Гитлер любит атаковать своих противников по воскресеньям»²⁹.

Подобные выводы дипломатических и военных деятелей подкрепляли уверенность Сталина в возможности предотвращения войны в ближайшее время. Кстати, существует версия, что будто бы Шуленбург сообщил Деканозову во время беседы 5 мая в Москве точную дату германского нападения на СССР. Однако в обстоятельной записи этой беседы, составленной в тот же день присутствовавшим там заведующим отделом Центральной Европы НКВД СССР В. Павловым, и намек на это нет. Более того, из этой записи явствует, что главной целью встречи был обмен мнениями о том, что необходимо предпринять, чтобы «пресечь слухи» о войне Германии с СССР. Посольство получило «указания из Берлина категорически опровергать всякие слухи о предстоящей войне». «В течение этой части беседы, — указывается в записи, — Шуленбург несколько раз повторял мысль, что следует что-то предпринять, чтобы пресечь слухи».

Таким образом, данные Шуленбурга были тоже дезинформацией. Об этой беседе Деканозов, безусловно, проинформировал Сталина, направив ее содержание в нужное русло.

4 июня он сообщил, что Гитлер в сопровождении Кейтеля посетил свою новую ставку на Востоке. «Все эти поездки, — писал он, — были, по существу, политической демонстрацией, направленной в частности на поддержание слухов о войне с СССР».

Но в связи с сосредоточением и развертыванием германских войск у наших границ напряжение нарастало и стало вселять смелость в должностных лиц. Они решились представлять только факты. 1 июня 1941 г. Голиков доложил Сталину, что на западных границах СССР немецкое командование сосредоточило 122 дивизии и примерно по 16 дивизий выдвинули к границам СССР Финляндия и Румыния.

Представил свой документ и Кузнецов, но так же как и Голиков уже без своих выводов.

«11 июня 1941 г.

№ 48604сс

Председателю Совета Народных Комиссаров Союза СССР тов. Сталину И. В.

Докладываю донесение нашего сотрудника, полученное из Бухареста:

1. Из офицерских кругов известно, что по румынской армии авиации отдан приказ — на 15 июня быть готовым к наступательным операциям. Судя по

Бухаресту, подготовка к военным действиям проводится очень интенсивно. К указанному сроку, однако, румыны готовы не будут. В отношении немцев вывод сделать затруднительно.

2. Воевать против Советского Союза даже румынские военные не хотят. Народ, и это истина, настроен против всякой войны.

3. Движение румыно-германских войск, и особенно артиллерийских частей на север Румынии продолжается.

Адмирал Кузнецов»

За неделю до вторжения немцев Сталину доложили точный день начала войны. «Война будет начата 22 июня», — донес в Москву 15 июня неутомимый Рихард Зорге. На следующий день этот же срок нападения, полученный из других источников, с трепетом и волнением докладывал Сталину Голиков. Для волнений были основания.

В связи с тем, что Гитлер, в силу ряда причин, в том числе и из-за похода на Балканы, неоднократно переносил сроки нападения на СССР, Сталину, как свидетельствуют и выше приведенные документы, называли 14 и 15 мая, 20 и 21 мая, 15 июня и, наконец, 22 июня. «Как только не подтвердились первые майские сроки вторжения, — сказал мне Голиков, — Сталин окончательно уверовал в то, что Германия не нападет в 1941 году на СССР, если ее не спровоцируют, а к нашим докладам стал относиться с еще большим недоверием и подозрительностью. За правдивые и, как впоследствии подтвердилось, достоверные сведения нам устраивался «разнос».

Я привел лишь небольшую часть поступавших И. В. Сталину сообщений и данных о подготовке Германии к нападению на СССР. Ему докладывали о десятках случаев перелетов германскими самолетами границы в целях фотографирования и даже «вынужденной» посадки на наших аэродромах, об учащемся переходе вражеской агентуры через границу и др. 19 июня адмирал Кузнецов сообщил, что в период с 4 июня по сегодняшний день весь аппарат (7 человек) военно-морского атташе Германии выехал из СССР.

Но ничто не могло убедить его в том, что война для СССР неотвратима. Даже отсутствие реакции германского руководства на сообщение ТАСС, опубликованное 14 июня, а накануне вечером сообщенное Молотовым Шуленбургу, не отвело его от заблуждения. Поэтому он угрожающе требовал от Тимошенко и Жукова: не давать своими распоряжениями и подготовительными мероприятиями, проводимыми в Центре и, особенно, в приграничных военных округах, повода для провокации.

Непоследовательность и неопределенность

Вывод И. В. Сталина о возможности избежать войны с Германией в 1941 г. и его жесткое требование не дать повода для провокации наложили печать на все мероприятия по подготовке народа и армии к от-

ражению агрессии. Изучение имеющихся документов показывает некую «раздвоенность» в действиях советского политического и военного руководства в последние мирные месяцы. С одной стороны, признавалось, что война неизбежна и что противник ведет уже подготовку к нападению на СССР, с другой — стремление отодвинуть сроки войны тормозило ход подготовки к отражению агрессии.

С февраля 1941 г. наркомат обороны и Генеральный штаб имели данные о развертывании трех армейских групп, имеющих целью нанесения ударов в направлении на Ленинград, Москву и Киев. Энергично взявшийся за исполнение служебных обязанностей Г. К. Жуков добился разрешения И. В. Сталина на осуществление ряда мероприятий по подготовке армии к решению задач предстоящей войны.

В феврале–марте получила дальнейшее развитие программа по развертыванию Красной Армии. Перестройкой были охвачены все ее структурные элементы. Реорганизация и организационное укрепление армии потребовали величайшего напряжения и колоссальной работы штабов и войск.

Особенно резко возросло количество мобилизационных мероприятий в Западном и Киевском особых военных округах. Одновременно переводились на новые штаты все бронетанковые войска, воздушно-десантные бригады, инженерные части, артиллерия РКК, а с апреля — стрелковые дивизии. Вместе с тем, в соответствии с оперативными планами осуществлялись их перегруппировки и передислокация.

Развертывание и доукомплектование механизированных и воздушно-десантных корпусов осуществлялось на базе боеспособных, слаженных бригад. Последние развертывались в более крупные, но не доведенные до штатной численности формирования. В результате снижалась боеспособность прежних соединений. В этом деле были допущены серьезные просчеты. Гигантомания политического и военного руководства в строительстве Красной Армии весной 1941 г. явилась большой ошибкой. Вследствие этого Красная Армия не усилилась, а ослабла.

Так, в частности, получилось с танковыми бригадами и механизированными дивизиями, на базе которых формировались механизированные корпуса. Одновременное развертывание и формирование 29 механизированных корпусов, со штатной численностью свыше 1000 танков в каждом в короткие сроки привели не к повышению, а к снижению боеспособности армии.

В апреле–мае Генеральный штаб с разрешения И. В. Сталина начал проводить скрытное от мобилизации военнообязанных запаса под прикрытием «больших учебных сборов». Ставилась задача усилить войсковые части и соединения в 14 военных округах. Всего на учебные сборы до начала войны было призвано свыше 802 тыс. человек, что составляло 24% приписного личного состава по мобплану МП-41³⁰. Это позволило усилить половину всех стрелковых

дивизий (99 из 198), предназначенных в основном для действий на Западе. При этом состав стрелковых дивизий приграничных округов при штатной численности 14 483 человек был доведен: 21 дивизия — до 14 тыс. человек, 72 дивизии — до 12 тыс. человек и 6 дивизий — до 11 тыс. человек.

Одновременно было поставлено из народного хозяйства в армию 26 620 лошадей. Вместе с тем работа по повышению мобилизационной готовности приграничных округов не носила последовательного характера. Соединения и части не укомплектовывались до штатной численности автомобилями, тракторами, лошадьми. Их полная готовность к боевым действиям определялась временем поступления техники из народного хозяйства уже после начала войны.

В соответствии с рекомендациями Генштаба Главный военный совет, на котором присутствовал И. В. Сталин и дал добро этому мероприятию, принял решение на выдвижение войск второго стратегического эшелона армий резерва Главного командования. Эти действия явились началом стратегического выдвижения и развертывания группировок войск на театре военных действий.

С 13 по 25 мая поступили распоряжения Жукова о начале выдвижения к западной границе трех армий (22, 21 и 16-ю) из Уральского, Приволжского и Забайкальского военных округов. 22-я армия в составе 6 дивизий выдвигалась в район Идрица, Себеж, Витебск со сроком окончания 1–3 июля. 21-я армия в составе 14 дивизий сосредоточивалась в районе Чернигов, Гомель, Конотоп с 17 июня по 2 июля, 16-я армия (12 дивизий) перебрасывалась 22 мая — 1 июня в район Проскуров, Хмельники. Переброска войск была спланирована с расчетом завершения сосредоточения в назначенных районах с 1 июня по 10 июля.

Наряду с этим был разработан график переброски из Северо-Кавказского военного округа в район Черкассы, Белая Церковь 19-й армии со сроками сосредоточения к 10 июня.

Общий объем перевозок составлял 939 железнодорожных эшелонов. Растянутость выдвижения войск и поздние сроки сосредоточения определялись мерами маскировки и сохранения режима работы железных дорог по графику мирного времени. Поэтому к началу войны только 83 воинских эшелона прибыли в назначенные пункты, 455 находились в пути, а 401 эшелон (9 дивизий) еще не грузились³¹. Соединениям предписывалось иметь только часть запаса боеприпасов, горючего, продовольствия, предусмотренного мобилизационными планами.

Всего из внутренних округов в соответствии с планом стратегического развертывания началось выдвижение 28 дивизий, 9 управлений корпусов и 4 армейских управлений³². В это же время войска 20, 24 и 28-й армий готовились к передислокации. Выдвигаемые из глубины страны войска не были укомплектованы транспортом, не имели необходимых запасов боеприпасов, горючего, продовольствия.

Перед Тимошенко и Жуковым стояла сложнейшая проблема. С одной стороны, ими предпринимались попытки призвать часть транспорта из народного хозяйства, что нельзя было полностью скрыть, с другой — Сталин не хотел дать повода Германии для обострения отношений и тем самым не ускорить развязывание войны. Решение вопроса усложнялось также и тем, что изъятие транспорта из народного хозяйства ставило под угрозу проведение уборочной кампании.

Развертывание армии и флота потребовало увеличения численности командного и инженерно-технического состава. Учитывая опасную обстановку, И. В. Сталин одобрил предложение С. К. Тимошенко о досрочном выпуске курсантов училищ.

16 мая с большим опозданием, как указывалось выше, приграничные военные округа получили указания ускорить строительство укрепленных районов на новой границе. В тот же день Жуков разрешил войскам прикрытия держать боеприпасы непосредственно в законсервированных танках.

27 мая в целях повышения боевой готовности штабов к управлению войсками командующие западными приграничными округами получили приказ Тимошенко немедленно приступить к строительству командных пунктов фронтов и завершить его к 30 июля. Войскам ПВО страны предписывалось закончить к 15 июля 1941 г. оборудование командных пунктов и артиллерийских позиций.

С приближением срока вторжения противника усиливались его разведывательные действия. Только за первую половину 1941 г. было зафиксировано 324 случая нарушения границы немецкими самолетами, а за двое суток (20 и 21 июня) граница нарушалась 60 раз.

Наши самолеты иногда поднимались в воздух с целью предупреждения, но ни в коем случае не обстрела нарушителей. Находясь на приграничных аэродромах, советские летчики не имели возможности активно противодействовать нарушению противником нашей границы. Они получили строжайший приказ оружия не применять, а предлагать посадку самолетам — нарушителям «эволюциями» (покачиванием крыльев) своего самолета. Но это не оказывало никакого воздействия на немецких летчиков. Более того, нашим летчикам не разрешалось даже приближаться к границе. 1 июня при преследовании германского самолета, нарушившего границу СССР, советский истребитель, увлекшись погоней, перелетел границу в районе Августов (Западный военный округ) и около 5 минут находился над чужой территорией. Сообщая об этом случае в Генеральный штаб, Берия потребовал провести тщательное расследование этого факта.

В связи с этим 12 июня командующим приграничными округами было приказано: во избежание возможных провокаций запретить полеты нашей авиации в 10-километровой приграничной полосе. Это запрещение позволило немецким летчикам до такой степени обнаглеть, что за несколько дней до начала войны они

по несколько раз в день перелетали границу с подвешенными бомбами и углублялись в наше воздушное пространство. В том же районе Августов только вечером 20 июня группы из 6–10 немецких самолетов трижды перелетали нашу границу с подвешенными авиабомбами и углублялись на 1,5–2 км³³.

С поступлением разведывательных данных о сроках нападения Германии И. В. Сталин разрешил С. К. Тимошенко сосредоточить соединения второго оперативного эшелона западных приграничных округов в районах, предписанных планами прикрытия.

Директивой начальника Генштаба западным округам предписывалось с 12 по 15 июня скрытно вывести дивизии, расположенные в глубине, ближе к государственной границе³⁴.

Так, в директиве Военному совету Киевского военного округа указывалось: «В целях повышения боевой готовности войск округа к 1 июля 1941 г. все глубинные дивизии с управлениями корпусов, с корпусными частями перевести ближе к государственной границе в новые лагеря. Приграничные дивизии оставить на месте, имея в виду, что вывод их к границе, в случае необходимости может быть произведен только по моему особому приказу». Время с 10 по 15 июня являлось тем последним критическим рубежом когда советские войска в случае принятия решения успевали перейти в состояние полной готовности с оттоном и развертыванием соединений на театре военных действий.

Согласно директивы Военного совета Киевского военного округа стрелковым дивизиям, расположенным в глубине, предписывалось начать выдвигание в полном составе, но без мобилизационных запасов, в 20 часов 18 июня. Марш приказывалось совершать только ночью, каждый переход должен был составлять 40 км. Выдвигание было сильно осложнено большим некомплектом транспортных средств и средств механической тяги артиллерии. Многие дивизии не имели лошадей, чтобы можно было поднять всю артиллерию. «Когда я, — рассказывал мне генерал-полковник И. И. Людников, бывший командир 200-й стрелковой дивизии, — доложил начальнику штаба округа генерал-лейтенанту М. А. Пуркаеву, что дивизия не имеет необходимого количества лошадей мне было сказано: «Артиллерию брать всю, но если у вас недостает артиллерийских лошадей, двигайте орудия перекатами». На мое возражение о том, что лошади физически не в состоянии будут передвигать артиллерию перекатами на таком большом расстоянии (около 400 км), последовало указание: «директиву выполнить, артиллерию всю взять в поход». В связи с этим пришлось всех строевых и верховых коней, которые никогда не носили на себе упряжи, использовать для этой цели».

В Западном военном округе письменных приказов стрелковым корпусам и дивизиям на выдвигание из глубинных районов ближе к границе не отдавалось. Командиры соединений получили устные распоряжения от начальника штаба округа генерал-майора

В. И. Климовских. Войска брали с собой все учебное имущество. Личному составу разъяснялось, что части идут на большие «учения»³⁵.

В то время как к середине июня противник завершал занятие исходного положения для наступления, наши стратегические оперативные резервы находились в движении, войска прикрытия не были приведены в боевую готовность. «С 12 июня изо дня в день просили мы с С. К. Тимошенко И. В. Сталина о том, чтобы он дал разрешение на приведение войск в полную боевую готовность — говорил мне Г. К. Жуков, — но такого разрешения до позднего вечера 21 июня так и не получили».

К 15 июня более половины дивизий, составлявших второй эшелон и резерв западных военных округов, находились в движении. Всего к началу войны осуществляли выдвигание из резерва при граничных округах 32 дивизии. Из них успели сосредоточиться в новых районах 4–5 дивизий. Эти мероприятия проводились с особой осторожностью и соблюдением мер маскировки. Тимошенко, Жуков и командующие округами были предупреждены Сталиным о личной ответственности за последствия, которые могут возникнуть из-за неосторожных действий наших войск.

Продолжал «подливать масла в огонь» вездесущий Л. П. Берия. В начале июня Военный совет Киевского военного округа по предложению командующего М. П. Кирпоноса принял правильное и нужное решение о выводе части сил постоянных гарнизонов укрепленных районов в предполье с целью приведения в боевую готовность построенных там деревоземляных огневых точек (ДЗОТ). Вскоре начальник пограничных войск НКВД Украинской ССР Строкач донес об этом своему наркому. Берия немедленно доложил об этом Сталину. Тот вызвал Тимошенко с Жуковым и устроил им «разнос», потребовав немедленно отменить это самочинное распоряжение. 10 июня Жуков направляет телеграмму Кирпоносу: «донесите для доклада народному комиссару обороны, на каком основании части укрепленных районов КОВО получили приказ занять предполье. Такие действия могут немедленно спровоцировать немцев на вооруженное столкновение и чреваты всякими последствиями. Такое распоряжение немедленно отмените и донесите, кто конкретно дал такое самочинное распоряжение».

На следующий день все командующие западными приграничными округами получили строгое указание начальника Генштаба: «полосу предполья без особого на то приказа полевыми и УРОВскими частями не занимать, а охрану сооружений предполья организовать службой часовых и патрулированием». Вместе с тем было приказано срочно разработать план вывода и занятия по тревоге УРОВскими частями боевых сооружений укрепленного района, а полевыми войсками — сооружений предполья».

Нет данных, успели ли штабы округов составить и довести до исполнителей указанные планы, а что

касается УРОВских частей и войск в указанных районах, то их к началу вторжения немцев там не было.

Командующие особыми военными округами Ф. И. Кузнецов, Д. Г. Павлов и М. П. Кирпонос были даже вызваны по указанию Сталина в Москву и здесь от Тимошенко и Жукова получили строжайшие указания как о бдительности, так и о недопущении поводов для провокации немцев на вооруженное столкновение с нами. Прибывший в Москву между 10 и 14 июня начальник штаба 29-го стрелкового корпуса полковник П. Н. Тищенко вспоминал впоследствии: «В Генеральном штабе я застал не обычную тихую обстановку, а довольно большое оживление и, я бы сказал, некоторую нервозность. Там я встречал командующих войсками округов, командующих армиями, довольно оживленное движение офицеров по коридорам. Встретил я, между прочим, командующего 16-й армией М. Ф. Лукина, приехавшего из Сибири».

Соблюдая меры предосторожности в условиях нарастающей угрозы нападения немцев, военное руководство продолжало проводить мероприятия по стратегическому развертыванию. С 14 по 19 июня военные советы западных приграничных округов получили указания к 22–23 июня вывести фронтовые (армейские) управления на полевые пункты.

В телеграмме Г. К. Жукова от 19 июня Кирпоносу указывалось: «Народный комиссар обороны приказал: к 22.06.1941 г. управлению выйти в Тернополь, оставив в Киеве подчиненное вам управление округа... Выделение и переброску управления фронта сохранить в строжайшей тайне, о чем предупредить личный состав штаба округа»³⁶.

Телеграммы аналогичного содержания Жуков в тот же день направил Кузнецову и Павлову. Фронтовое управление Севера-Западного фронта во главе с командующим округом должно были прибыть 22–23 июня в Паневежис, а Западного — в Обуз-Лесна.

Вывод фронтовых и армейских управлений осуществлялся с разрешения Сталина под предлогом проведения легких учений с войсками, о чем указывалось в «Сообщении ТАСС» 14 июня, Одесский военный округ, как замечено выше, должен был выделить только Управление 9-й армии, которую предполагалось включить в Юго-Западный фронт.

20 июня Военный совет Одесского округа направил специальный доклад наркому обороны, в котором предложил создать Южный фронт на базе своего управления. Это предложение обосновывалось следующими соображениями. Перед войсками округа развернулась сильная группировка противника, имевшая превосходство в пехоте, артиллерии и танках в 2–3 раза. Оценивая группировку вражеских войск, можно прийти к выводу, что противник главный удар будет наносить в направлении на Бельцы, чтобы кратчайшим путем выйти к Днестру и в дальнейшем развивать наступление в северном и в северо-восточном направлениях по тылам Киевского военного округа. В связи с этим Военный совет Одесского округа

просил усилить войска прикрытия на белцком направлении 7–8 дивизиями и на кагульском 6–7 дивизиями. В полосе округа Военный совет предложил развернуть две армии: одну на рубеже Липканы-Леово и другую от Липканы до побережья Черного моря. Главный военный совет согласился с этим предложением и вынес его на решение Политбюро.

Угроза вторжения нарастала. Постепенно спадала пелена с глаз. Наступало прозрение. 16 июня ЦК ВКП(б) и СНК СССР принимает запоздалое постановление «Об ускорении приведения в боевую готовность укрепленных районов». Но что могло дать принятое на таком высоком уровне постановление без разрешения приведения армий прикрытия в повышенную боевую готовность и занятия их войсками, указанными в планах оборонительных позиций?

Принимались меры по повышению боевой готовности Военно-Морского флота и организации взаимодействия его с сухопутными войсками. 19 июня флоты и флотилии получили приказ перейти в оперативную готовность № 2, требующую наличие всего личного состава на кораблях. На следующий день командующие Ленинградским, Прибалтийским и Одесским военными округами получили указание в двухдневный срок отработать вопросы взаимодействия с флотом в соответствии с планом прикрытия³⁷.

В тот же день Главный военный совет флота, учитывая непосредственную опасность войны, потребовал от военных советов флотов «воспитывать краснофлотцев и командиров в духе постоянной готовности вступить в бой с врагом».

Весьма неблагоприятно накануне войны в приграничных округах обстояло дело с маскировкой аэродромов, районов расположения войск и важных объектов, что позволило врагу вскрыть их расположение. Поэтому приказом наркома обороны от 19 июня предписывалось провести маскировку аэродромов, воинских частей и важных военных объектов западных округов. В приказе требовалось к 1 июля 1941 г. засеять все аэродромы травой, покрасить все аэродромные сооружения, зарыть в землю и особенно тщательно замаскировать бензохранилища, категорически запретить линейное, скученное расположение самолетов и обеспечить рассредоточение их, организовать к 5 июля в каждом районе авиационного базирования по 8–10 ложных аэродромов с макетами самолетов, к 1 июля произвести маскировку складов, мастерских, парков³⁸.

Аналогичную беспечность к маскировке, указывалось в приказе, проявляют артиллерийские мотомеханизированные части. Скученное и линейное расположение их парков представляет не только отличные объекты наблюдения, но и выгодные для поражения с воздуха цели. Танки, бронемшины, командирские другие специальные машины мотомеханизированных и других войск окрашены красками, дающими яркий отблеск, и хорошо наблюдаемы не только с воздуха, но и с земли. Все эти недостатки

приказывалось устранить к началу июля. Округам, входящим в угрожаемую зону, требовал маршал Тимошенко, провести также маскировку тыловых объектов и к 15 июля обеспечить их полную ненаблюдаемость с воздуха.

Однако этот весьма нужный приказ не только не был выполнен, но и не доведен до войск к моменту вражеского вторжения.

21 июня на заседании Политбюро было принято решение об образовании Южного фронта, в состав которого включались 9-я и 18-я армии. Управление 18-й армии выделял Харьковский военный округ, командующий которого генерал-лейтенант П. А. Смирнов ставился во главе ее. Формирование управления фронта было возложено не на Одесский, а на Московский военный округ.

Такое решение нельзя признать правильным. Штаб Московского округа во главе с И. В. Тюленевым не знал южного театра военных действий, состояния войск Одесского округа, их возможностей и поставленных им задач. Чтобы изучить эти вопросы, требовалось значительное время. К тому же управлению Московского округа необходимо было в условиях уже начавшейся войны переезжать из Москвы в Винницу и налаживать управление войсками. Создание Южного фронта прошло бы более организованно, если бы решение этой задачи было возложено на управление Одесского округа. Постановлением Политбюро армии второго стратегического эшелона, выдвигавшиеся из глубины страны на рубеж Западная Двина, Днепр, объединялись в группу армий резерва Главного Командования (19, 20, 21 и 22-я армии). Их решено было объединить единым управлением. Командующим этими армиями был назначен Маршал Советского Союза С. М. Буденный, его штаб был определен в Брянске.

Политбюро постановило возложить общее руководство действиями Юго-западного и Южного фронтов на Г. К. Жукова, учитывая знание им театра военных действий, войск Киевского военного округа, его участие в оперативно-стратегической игре в роли командующего Юго-Западным фронтом, и опыт Халхин-Гола. Руководство Северным фронтом, учитывая участие К. А. Мерецкова в советско-финляндской войне, было возложено на него. Предусмотрен был выезд Жукова и Мерецкова на места.

Некоторые мероприятия по развертыванию и повышению боевой: готовности, видя у своих границ изготовившегося к вторжению противника, пытались на свой страх и риск все-таки проводить командующие округов и армий. Так, начиная с середины июня, в ряде соединений были выданы боеприпасы, отменены отпуска личному составу, велось строительство командных пунктов соединений. В Одесском военном округе вооружение, боевая техника и имущество неприкосновенного запаса приводились в состояние, готовое к немедленному действию.

Штабы всех военных округов отдали указания командирам соединений и частей по отработке «Плана-инструкции по подъему войск по боевой тревоге». В Киевском округе было принято решение переместить запасы дизельного топлива в тыловые районы округа и приблизить уровень боевой готовности войск второго эшелона к показателям войск прикрытия.

Военный Совет Прибалтийского военного округа 15 июня отдал приказ по обеспечению боевой готовности войск. «Сегодня, как никогда, — указывалось в нем, — мы должны быть в полной боевой готовности. Этого многие командиры не понимают. Но это надо всем твердо и ясно понять, ибо в любую минуту мы должны быть готовы к выполнению любой боевой задачи»³⁹.

Согласно этому приказу, командиры стрелковых дивизий должны были разработать планы обороны своей полосы. (Вот ведь как обстояло дело! Даже планов обороны, оказывается, не было). Заготовку противотанковых мин и проволочных заграждений перед передним краем разрешалось производить с таким расчетом, чтобы минное поле по особому приказу в случае необходимости могло быть установлено в течение трех часов. (Вот почему минных полей в приграничной полосе и не было вовсе). Одновременно с тем было приказано тщательно разработать план противовоздушной обороны, замаскировать самолеты, танки и артиллерию. Срок выполнения приказа устанавливался к 25 июня⁴⁰.

18 июня Военный совет округа отдал приказ о приведении в боевую готовность театра военных действий⁴¹. В нем намечался ряд мероприятий, выполнение которых существенно повысило бы боевую готовность войск округа в целом. Начальнику зоны противовоздушной обороны было приказано к исходу 19 июня привести в полную боевую готовность всю противовоздушную оборону округа. Начальник войск связи к утру 20 июня должен был привести в полную готовность все средства связи на территории округа. Начальнику военных сообщений округа к 22 июня надлежало подготовить железнодорожное сообщение к работе в боевой обстановке. Командующим 8-й и 11-й армий предлагалось определить пункты полевых складов противотанковых мин и взрывчатых веществ на предмет устройства на предусмотренных планом прикрытия направлениях и участках заграждений.

Мины и взрывчатку приказывалось сосредоточить к 21 июня. Для установки минных полей требовалось выделить команды саперов из дивизий первого эшелона. Начальнику инженерного управления округа было приказано к 21 июня «Создать на телшайском, шауляйском, каунасском и калварийском направлениях подвижные отряды минной противотанковой борьбы. Для этой цели иметь запасы противотанковых мин, возимых автотранспортом»⁴². Кроме того, командующим армий

генералам Собенникову и Морозову с целью разрушения наиболее ответственных мостов в приграничной полосе приказывалось прорекогносцировать их, определить команды подрывников и к 21 июня: сосредоточить у мостов необходимое количество взрывчатых веществ.

Вместе с тем было намечено проведение и целого ряда других мероприятий. В тот же день, т. е. 18 июня, отдельными директивами военным советам армий и командирам механизированных корпусов Ф. И. Кузнецов приказал начать выдвижение войск в предназначенные им по плану прикрытия полосы и районы. Указывалось, чтобы войска взяли с собой «только необходимое для жизни и боя». Одновременно приказывалось немедленно отозвать всех из командировок и снять весь личный состав, находившийся на всевозможных работах.

Немедленное проведение этих мероприятий диктовалось тем, что Военному совету Прибалтийского округа были уже известны сведения о занятии немцами исходного положения для наступления. «Среди военнослужащих и гражданского населения Восточной Пруссии, — отмечалось в разведсводке 21 июня, — идут разговоры, что войска, расположенные в Восточной Пруссии, получили приказ занять исходное положение для наступления»⁴³. В этом же документе говорилось об окончании наводки понтонных мостов через Неман, о том, что в Сувальском уезде жители выселены вглубь от границы на 5 км, а в Клайпедской области гражданскому населению предложено эвакуироваться в глубь от границы на 20 км.

Однако начатое было предупредительное затемнение городов в Прибалтике взбудоражило И. В. Сталина: последовал очередной «разнос» Тимошенко и Жукову. Последний 20 июня направил Ф. И. Кузнецову телеграмму, потребовав немедленно отменить приказ о приведении в боевую готовность системы противовоздушной обороны, так как оно вызывает различные толки и нервирует общественность.

Этого распоряжения оказалось достаточно для того, чтобы Военный совет Прибалтийского округа приостановил или замедлил выполнение других мероприятий, намеченных в указанных приказах. «Части и соединения Прибалтийского особого военного округа, — указывалось в оперативной сводке вечером 21 июня, — в пунктах постоянной дислокации занимаются боевой и политической подготовкой, выдвинув к государственной границе отдельные части и подразделения для наблюдения. Одновременно производится передислоцирование отдельных соединений в новые районы»⁴⁴.

Следует иметь в виду, что запаздывание в развертывании произошло относительно даты 22 июня. Командующие же войсками округов и армий исходили из других сроков сосредоточения и развертывания, указанных им Центром, который полагал, что нападение, если и произойдет, то не ранее первой половины

июля. В связи с этим и не была достигнута главная цель проводимых мероприятий — оперативное развертывание войск первых эшелонов приграничных военных округов и своевременное приведение их в полную боевую готовность.

Наступил последний мирный день — 21 июня. Обстановка была чрезвычайно напряженной и нервозной. Политбюро заседали целый день. Так как в Берлине с Деканозовым никто разговаривать не захотел, на чем настаивала Москва, вечером В. М. Молотов, по поручению И. В. Сталина, пригласил Шуленбурга. Он сказал ему, что Германия без всякого на то основания с каждым днем ухудшает отношения с Советским Союзом. Несмотря на протесты, немецкие самолеты продолжают вторгаться в воздушное пространство СССР. Ходят даже слухи о предстоящей войне между нашими странами. У нас есть основания верить этому, потому что германское руководство никак не реагировало на сообщение ТАСС. Шуленбург заверил его, что он немедленно донесет своему правительству о содержании этого заявления. Он знал, конечно, что это ничего не даст, так как немецкая военная машина была уже заведена и ждала лишь установленного сигнала «Дортмунд», чтобы двинуться на восток. Кстати, чтобы опровергнуть вымысел о якобы сообщенной германским послом Деканозову дате начала войны Германии против СССР, заметим, что Шуленбург имел прекрасную возможность сказать об этом Молотову, но он не сделал этого. Видя неотвратимость грозы, руководители военного ведомства вместе со своими подчиненными были в тот день, как и в предшествующие, на своих рабочих местах, непрерывно поддерживая связь со штабами округов и собирая необходимые данные для подготовки директив войскам.

Вечером Г. К. Жукову позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал Пуркаев и доложил, что к пограничникам пришел немецкий перебежчик, который, прослушав днем обращение Гитлера к войскам о начале 22 июня похода на Восток, решил не воевать против нас. Начальник Генерального штаба уведомил об этом Тимошенко и Сталина. Последний попросил их прибыть в Кремль.

Переступив порог кабинета главы правительства, в котором были некоторые члены Политбюро, С. К. Тимошенко обратился с просьбой о направлении в западные округа директивы о приведении войск в полную боевую готовность. Дав согласие на это, Сталин попросил Жукова прочесть ранее подготовленный в Генштабе проект документа. Заслушав его, он потребовал указать, что нападение может начаться с провокационных действий, на которые наши войска не должны поддаваться.

Выйдя в приемную, Г. К. Жуков вместе с вызванным в Кремль первым заместителем начальника Генштаба генерал-лейтенантом Н. Ф. Ватутиным составили новый проект директивы. Внимательно ознакомившись с этим документом, записанным

в служебном блокноте Ватутиным и откорректированным Жуковым, Сталин также внес в него некоторые дополнения и поправки. Он вставил было пункт о том, что в случае вторжения немцев командиры наших передовых частей должны будут попытаться урегулировать конфликт мирными переговорами. Однако, подумав, по-видимому, перечеркнул его. Затем предложил тут же подписать его наркому С. К. Тимошенко, члену Главного военного совета Г. М. Маленкову и начальнику Генштаба Жукову.

Вместо ранее установленного сигнала «Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 г.», на что потребовалось бы несколько минут, в войска пошел зашифрованный документ. Так как на расшифровку в округах и армиях потребовалось около трех часов времени, до многих соединений его так и не успели донести.

Отправленная в половине первого часа ночи 22 июня директива гласила:

- «1. В течение 22–23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого и Одесского военных округов. Нападение немцев может начаться с провокационных действий.
2. Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.
3. Приказываю:
 - а) В течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на госгранице.
 - б) Перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать.
 - в) Все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточено и замаскировано.
 - г) Противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов.
 - д) Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить»⁴⁵.

В штабах военных округов этот исходный на предстоящую войну документ, названный впоследствии директивой № 1, получили через час, а в штабы армий его направили только в третьем часу ночи.

На директиве Западного военного округа указано: «Поступила 22.06 — 1.45

Отправлена 22.06 — 2.35

Командующим 3, 4, 10-й армий. Передаю приказ наркома обороны для немедленного исполнения. (Далее идет дословное повторение директивы № 1). Павлов. Фоминых, Климовских».

В приказе командующего Прибалтийским военным округом указывалось: «В течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять оборону основной полосы. В предполье выдвинуть полевые караулы для охраны дзотов, а подразделения, назначенные для занятия предполья, иметь позади. Боевые патроны и снаряды выдать. В случае провокационных действий немцев огня не открывать. При полетах над нашей территорией немецких самолетов не показываться до тех пор, пока самолеты противника не начнут боевых действий, огня не открывать. В случае перехода в наступление крупных сил противника разгромить его!»⁴⁶

Лучше обстояло дело в Военно-Морском Флоте. Когда Г. К. Жуков, и С. К. Тимошенко уходили от Сталина, он сказал последнему, чтобы предупредил наркома Военно-морского Флота Н. Г. Кузнецова о приведении флота в готовность № 1. После звонка Тимошенко Кузнецов установленным паролем быстро сделал это. Флот был приведен в полную боевую готовность за 3–4 часа до начала войны. Это обусловило более четкое и организованное вступление кораблей, авиации и береговой артиллерии в борьбу с врагом.

В создавшейся перед вероломным нападением обстановке крайне важно было сочетать величайшую осторожность и высочайшую бдительность с полной готовностью войск приграничных округов к отражению его возможных ударов. Допущенный И. В. Сталиным просчет в оценке времени возможного нападения Германии на СССР пагубно отразился на действиях наших войск в начале войны. «Надеясь на свою мудрость, — с сожалением говорил Г. К. Жуков, — он перемудрил себя». И упрекать-то его следует, как это некоторые историки и публицисты делают, не в придуманной будто бы им самим «внезапности» с целью оправдания за неудачи в начале войны, а за грубый просчет, приведший к ней.

Говоря об этом просчете, Г. К. Жуков заметил, что они с С. К. Тимошенко не проявили настойчивости в получении разрешения И. В. Сталина на приведение войск в полную боевую готовность, хотя с ним, как он убедился позже, можно было спорить и отстаивать свою точку зрения. Но Сталин был для всех величайшим авторитетом, его боялись, никому в голову не приходила мысль сомневаться в его суждениях и оценках. «Нам казалось, — говорил Жуков, — что в делах войны он знает не меньше, а значительно больше нас и глубже видит».

Более того, на мой вопрос: «Как же все-таки вы с Тимошенко, имея данные, что противник сосредоточился и занимает исходные положения для наступления, не смогли убедить Сталина в необходимости хотя бы за 2–3 дня до вторжения привести войска в полную боевую готовность и занять позиции согласно плану прикрытия государственной границы?» Жуков ответил так: «Да, видели, что вот-вот война. Испытывали страшную тревогу. Ежедневно просили его дать такое разрешение. И вместе с тем так верили в Сталина, что полагали: он найдет выход из положения и отодвинет войну».

Просчет во времени усугубил имевшиеся недостатки в боеготовности армии и тем самым резко увеличил объективно существовавшие преимущества агрессора. В этих условиях даже соединения и части первого эшелона армий прикрытия, имевшие постоянную боевую готовность в пределах 6–9 часов (2–3 часа на подъем по тревоге и сбор, 4–6 часов — на выдвижение и организацию обороны), оказались в цейтноте. Вместо указанного времени отдельные из них располагали 30 минутами, а большинство вообще не были оповещены. Сказались также слабая подготовка и сколоченность органов управления. Задержка, а в ряде случаев и срыв передачи команды были обусловлены и тем, что противнику удалось в значительной степени нарушить проводную связь с войсками в приграничных районах. Сделали это засланные заблаговременно в наш тыл диверсанты. В результате штабы округов и армий, командиры соединений и частей не имели возможности быстро передать свои распоряжения. Поэтому для многих частей сигналом боевой тревоги явились разрывы бомб и снарядов противника в их расположении.

В связи с запоздалым принятием решения обстановка для оперативного развертывания войск приграничных округов сложилась чрезвычайно трудная.

В Ленинградском военном округе (командующий генерал-лейтенант М. М. Попов, член Военного совета корпусной комиссар Н. Н. Клементьев, начальник штаба генерал-майор Д. Е. Никишев) все войска прикрытия находились в пунктах постоянной дислокации и в лагерях. Активные действия наземных войск на границе с Финляндией начались только 29 июня, поэтому войска округа были в основном развернуты в соответствии с планом прикрытия. Вместе с тем даже в этих условиях группировка войск начала создаваться с опозданием, так как имелось распоряжение Главного командования: «Мероприятия по развертыванию не проводить и не давать финнам повода для провокации». В составе округа имелось три стрелковых и два механизированных корпуса: 15 стрелковых, 4 танковые и 2 моторизованные дивизии, 1 стрелковая бригада.

В Прибалтийском особом военном округе (командующий генерал-полковник Ф. И. Кузнецов, член Военного совета корпусной комиссар П. А. Диброва, начальник штаба генерал-лейтенант П. С. Кленов) на государственной границе к началу войны находились 10-я стрелковая дивизия и по три батальона от 90, 125, 5, 33, 188-й стрелковых дивизий. Всего 15 стрелковых батальонов на фронте 165 км.

Войска частично были приведены в боевую готовность, отдельные соединения выдвигались в новые районы. К государственной границе совершали марш 23, 48 и 162-я стрелковые дивизии. 11-я стрелковая дивизия перевозилась из Ленинградского военного округа. 21-й и 24-й стрелковые корпуса находились на переформировании в пунктах постоянной дислокации. 3-й и 12-й механизированные корпуса

были подняты по тревоге и выдвинуты в районы боевого предназначения согласно плану прикрытия. Штабы 8-й и 11-й армий и их корпусов находились на полевых командных пунктах в готовности взять на себя управление войсками с началом боевых действий. Всего командованию округа удалось привести в боевую готовность 6 стрелковых дивизий из 19 имеющихся в округе.

В Западном особом военном округе (командующий генерал армии Д. Г. Павлов, член Военного совета корпусной комиссар А. В. Фоминых, начальник штаба генерал-майор В. Е. Климовских) войска первого и второго эшелонов армий прикрытия располагались в пунктах постоянной дислокации в лагерях и казармах. Из внутренних районов округа (150–400 км от границы) выдвигались стрелковые корпуса: 2-й (100-я и 161-я стрелковые дивизии), 47-й (55, 121, 143-я стрелковые дивизии), 44-й (62-я и 108-я стрелковые дивизии), 21-й (17, 37, 50-я стрелковые; дивизии). Управление 13-й армии, предназначенное для объединения 49-й и 113-й стрелковых дивизий и 13-го механизированного корпуса, которые планировались для прикрытия государственной границы, продолжало оставаться в Могилеве. Части 30-й танковой дивизии проводили тактические учения; 42-я стрелковая и 22-я танковая дивизии, находившиеся на границе в районе Бреста, готовились к учению, которое было отменено в последние часы перед началом войны.

Зенитные артиллерийские части 4-й армии находились в окружном лагере под Минском. Непосредственно на границе, осуществляя ее охрану, находились только пограничные войска. Здесь же, не имея оружия, на строительстве укрепленных районов были заняты инженерно-саперные и строительные части и подразделения, а также выделенные для этих работ стрелковые батальоны из дивизий первого эшелона.

Всего в этом округе, войска которого не были приведены в боевую готовность и даже не подняты по боевой тревоге, имелось 8 стрелковых, 6 механизированных и один кавалерийский корпус (24 стрелковые, 12 танковых, 6 моторизованных и 2 кавалерийские дивизии).

Высокая концентрация войск была создана в белостокском выступе. Здесь помимо войск 10-й армии были сосредоточены четыре механизированных корпуса (6, 11, 13 и 14-й), а два мехкорпуса (17-й и 20-й) находились в глубине по оси Белосток — Новогрудок — Минск также на этом направлении. Это соответствовало оперативному плану, согласно которому войскам после отражения ударов противника предстояло переходить в контрнаступление совместно с ударной группировкой Киевского округа.

В Киевском особом военном округе (командующий генерал-полковник М. П. Кирпонос, член Военного совета корпусной комиссар Н. Н. Вашугин, начальник штаба генерал-лейтенант М. А. Пуркаев) войска, назначенные в первый и второй эшелоны армий прикрытия, находились в местах постоянной

дислокации: на полигонах, в стационарных и временных лагерях, а также на марше. Стрелковые соединения резерва округа выдвигались по плану прикрытия в предусмотренные районы сосредоточения и находились в 100–150 км от государственной границы. В движении находились 31-й (193, 195, 200-я стрелковые дивизии), 36-й (140, 146, 228-е стрелковые дивизии), 37-й (80, 139, 141-я стрелковые дивизии), 55-й (130, 169, 189-я стрелковые дивизии) стрелковые корпуса. В состав 12-й армии прибывали: 49-й стрелковый корпус (190, 198-я стрелковые дивизии) — по железной дороге; 109-я стрелковая дивизия — походным порядком.

Наиболее сильная группировка войск находилась в львовском выступе, откуда намечалось нанести главный удар. Здесь сосредоточились две армии (6-я и 26-я), три механизированных корпуса (4, 8 и 15-й), кроме того, три механизированных корпуса находились в глубине, но на этом же направлении. Эта группировка насчитывала 4200 танков, из которых 761 новых типов (Т-34 и КВ).

Оперативное развертывание войск округа не было завершено, не было закончено строительство укрепленных районов и оборонительных рубежей для полевых войск. Всего в округе насчитывалось 11 стрелковых, 8 механизированных и один кавалерийский корпус (26 стрелковых, 6 горнострелковых, 16 танковых, 8 моторизованных и 2 кавалерийские дивизии).

В Одесском военном округе (командующий генерал-полковник Я. Т. Черевиченко, член Военного совета корпусной комиссар А. Ф. Колобяков, начальник штаба генерал-майор М. В. Захаров) войска прикрытия находились в пунктах постоянной дислокации. 14 июня 48-й стрелковый корпус (30-я и 74-я стрелковые дивизии) прибыл походным порядком в район Флорешти, Рыбница. В Крыму к 5 июня сосредоточились управление 9-го стрелкового корпуса, 106-я стрелковая и 32-я кавалерийская дивизии. Всего в округе было 4, стрелковых, 2 механизированных и один кавалерийский корпус (13 стрелковых, 3 горнострелковые, 4 танковые, 3 моторизованные и 3 кавалерийские дивизии).

В Прибалтийском, Западном и Киевском военных округах артиллерийские полки, противотанковые и зенитные дивизионы некоторых стрелковых дивизий первого эшелона находились на артиллерийских полигонах, где они проводили артиллерийские стрельбы по учебному плану.

На западной границе от Мурманска до Черного моря охрану осуществляли 47 сухопутных и 6 морских пограничных отрядов, 9 отдельных пограничных комендатур, 11 полков внутренних войск НКВД. Они насчитывали около 100 тыс. человек.

К началу войны советскому командованию не удалось создать ни наступательных, ни оборонительных группировок. Войска не были отобилизованы и оставались, в основном, в штабах мирного времени.

Из-за существовавшей на протяжении длительного времени недооценки оборонительного способа действий, а также непонимания природы современного боя Г. И. Куликом, ведавшим вопросами вооружения, у нас не было налажено производство противотанковых мин. К 22 июня во всех приграничных округах имелось всего лишь 494 тыс. противотанковых мин, а противопехотных мин не было вовсе⁴⁷. Западному округу по табели было положено иметь около 1 млн. противотанковых мин, а имелось в наличии только 92,5 тыс. Но и эти мины находились на инженерных складах, а не в войсках. Следовательно, одно из эффективных средств борьбы с танками, каким являются мины, в войсках прикрытия отсутствовало. Понтонные батальоны танковых дивизий, ввиду недостатка парков «Н2П», были собраны на двухмесячные окружные учебные сборы. Поэтому в начале войны танковые соединения остались без переправочных средств.

Незавершенность развертывания войск приграничных округов дала возможность противнику громить их по частям. Из 108 дивизий армий прикрытия в первые часы войны отпор агрессору могли оказать лишь около 40 не полностью отмобилизованных дивизий, из которых лишь незначительная часть успела занять на границе предусмотренные планом полосы обороны. Остальные войска, в основном, находились в пунктах постоянной дислокации, в лагерях или на марше. Обстановка усугублялась недостаточной подготовленностью войсковых штабов, слабой слаженностью частей и соединений, неустойчивым управлением.

К началу войны войска первого стратегического эшелона на Западе насчитывали 170 дивизий (56%), в войсках второго стратегического эшелона, только что начавшего сосредотачиваться в назначенных районах, было 77 дивизий (25%). На Дальнем Востоке находилась — 31 дивизия (10%), на южных границах — 25 дивизий (9%). Таким образом, против главного противника на Западном театре военных действий и в резерв Главного командования было выделено 247 дивизий, т. е. около 80% всех сухопутных сил.

Из 79 авиационных дивизий, имевшихся в Красной Армии, 48 дивизий базировались в западных приграничных округах, 15 входили в состав армий прикрытия, 20 подчинялись командованию округов, 13 дивизий находились в распоряжении Главного командования.

Военно-воздушные силы оказались в особенно неблагоприятном положении. В завоевании господства в воздухе и захвате стратегической инициативы вообще германское командование главную роль отводило авиации. Именно она должна была в первые часы и дни войны нанести максимальный урон нашим военно-воздушным силам и создать выгодные условия для разгрома войск Красной Армии. Состояние и положение авиации приграничных округов облегчало противнику решение этой задачи. Многие аэродромы находились в 10–30 км от границы. На них базировались не только истре-

бительные, но и бомбардировочные полки. Выход их из-под удара затруднялся большим количеством самолетов на аэродромах и отсутствием оперативных аэродромов в глубине. Летный состав некоторых частей, главным образом бомбардировочных, осваивал новые самолеты за пределами своих округов. В истребительных полках, получивших новую материальную часть, на аэродромах, как правило, находились старые и новые самолеты, на каждого летчика приходилось две машины, а многие боевые машины были без летчиков. В Прибалтийском округе без летного состава было 188 самолетов, в Западном — 430, в Киевском — 342. Прикрытие аэродромов средствами ПВО было слабое, а маскировка по существу не проводилась.

Военно-воздушные силы не были готовы к отражению первых ударов противника. Авиационным частям Прибалтийского военного округа в ночь на 22 июня было приказано проводить ночные тренировочные полеты. В результате большинство бомбардировочных полков подверглось ударам вражеской авиации в момент послеполетного осмотра материальной части и дозаправки их горючим, а летный состав был только что отпущен на отдых⁴⁸.

Дислокация военно-воздушных сил Западного округа характеризовалась расщеплением истребительной авиации вдоль всей границы. Особенно близко к ней базировалась 9-я смешанная авиационная дивизия, получившая незадолго до войны 262 самолета МиГ-1 и МиГ-3. В бомбардировочные полки 9-й и 11-й смешанных авиационных дивизий поступило 420 бомбардировщиков Пе-2⁴⁹. Летный состав только приступил к освоению этих самолетов. В результате диверсионных действий с 23 часов 21 июня вся проводная связь штаба ВВС округа со штабами дивизий и последних со штабами авиационных полков была прервана, и каждый аэродром был предоставлен самому себе. Положение усугублялось отсутствием связи со службой ВНОС.

Упредив советские войска в стратегическом развертывании, создав мощные группировки на избранных направлениях главного удара, имея значительно более высокий уровень боеготовности и боеспособности соединений, германское командование заложило надежные основы для успешного проведения операций начального периода войны. В первый удар по советским войскам вкладывалась вся мощь вермахта: 77% пехотных дивизий, 90% танковых, 94% моторизованных дивизий и 100% самолетов.

В группировке советских войск 43% дивизий были включены в состав армий первого эшелона, 25% входили в состав вторых эшелонов фронтов и 32% составляли резерв Главного командования. Советские войска были развернуты на фронте до 2800 км и в глубину до 500 км. Это позволило противнику громить их по частям.

Общее соотношение сторон в живой силе было в пользу врага (около 4 млн. у противника и до 3 млн. советских войск в первом стратегическом эшелоне).

По количеству танков войска приграничных округов превосходили противника. Только Киевский округ имел более 5000 танков, из них Т-34 и КВ — свыше 800. В этом округе было больше танков, чем у противника вообще. Однако танки Т-26 и БТ были устаревшими и имели весьма ограниченный моторесурс (70–100 моточасов), а новые только что поступили и не были как следует освоены. В западных округах было 967 танков Т-34 и 508 танков КВ, но к 152-мм орудиям танка КВ не успели даже завезти боеприпасов⁵⁰.

Общая численность артиллерии была примерно равной, но в калибрах 76-мм и выше, а также в противотанковой артиллерии в целом, что особенно сказалось в первые дни войны, немецкая армия превосходила. На аэродромах приграничных округов находилось много боевых самолетов. В том же Киевском округе их насчитывалось 2003. Примерно столько же было и в Западном⁵¹. Однако это были преимущественно старые машины. Новые самолеты составляли лишь около 20% от всего парка. Учитывая наличие двух самолетов на одного летчика в некоторых соединениях и отбытие пилотов за новой материальной частью, в воздух можно было поднять меньше боевых машин, чем подготовил к нанесению первоначального удара противник.

Стремление германского руководства вложить в первый удар всю мощь своих вооруженных сил предопределило во многом неожиданные для советского командования условия вступления в войну. Маршал Г. К. Жуков сказал мне, что для них с С. К. Тимошенко внезапность нападения противника проявилась в большей мере не во времени, а в мощи удара. Они руководствовались явно устаревшим взглядом на автомобилизацию и приведение в полную боевую готовность первого стратегического эшелона в течение двух недель с момента начала войны, который явно не соответствовал реально сложившейся обстановке.

Неопределенность и нечеткость в замыслах и действиях привели к тому, что приграничные военные округа не были готовы ни к обороне, ни к наступлению. Бывший командующий 8-й армией генерал П. П. Собенников вспоминал, что «накануне войны чувствовалась большая нервозность, несогласованность, неясность, боязнь спровоцировать войну. За несколько дней до вероломного нападения немцев на командный пункт стали поступать по телефону и телеграфу из штаба округа весьма противоречивые указания об устройстве засек, минировании и т. п., причем одними распоряжениями эти мероприятия приказывалось производить немедленно, другими впоследствии отменялись, затем опять подтверждались и вновь отменялись».

О том, что война застала войска прикрытия врасплох, убедительно свидетельствует следующий эпизод. В одном из приграничных районов 4-й армии, прикрывавшей брестское направление, 22 июня должны были проводиться опытные учения. И хотя накануне вечером они были отменены, артиллерийская подготовка

противника была воспринята войсками, как свидетельствует бывший начальник штаба 4-й армии полковник (впоследствии генерал-полковник) Л. М. Сандалов, как неожиданное начало учения с боевой стрельбой, а то, что снаряды начали взрываться в их расположении, отнесли к халатности руководства. Чтобы обратить внимание на происшедшую «ошибку», с артиллерийского полигона на котором были сосредоточены прибывшие на учение части, подали световые и звуковые сигналы. Только тогда, когда войска понесли большие потери, они поняли, что это не учение, а война.

Немецкое командование установило, что советские войска не подготовились к отражению их удара и не ожидают его. «Тщательное наблюдение за русскими, — пишет командующий 2 танковой группой генерал-полковник Гудериан, — убеждало меня в том, что они ничего не подозревают о наших намерениях во дворе крепости Бреста, который просматривался с наших наблюдательных пунктов, под звуки оркестра они производили развод караулов. Береговые укрепления вдоль Западного Буга не были заняты русскими войсками». К такому же заключению пришли и в 1-й немецкой танковой группе. «В ночь на 22 июня пехота бесшумно заняла исходное положение, — отмечено в донесении штаба 4-го моторизованного корпуса в штаб группы армий «Юг». — Сокаль не затемнен. Русские оборудуют свои доты при полном освещении. Они, кажется, ничего не предполагают».

Предполагали, но вместе с тем и благодушествовали. Об этом свидетельствуют следующие примеры. За несколько минут до вторжения, а именно в 3 часа 10 минут 22 июня начальник разведывательного отдела штаба Западного округа полковник Блохин послал шифровку Ф. И. Голикову, в которой сообщил, что:

- «1. По имеющимся данным, которые проверяются, основная часть немецкой армии в полосе ЗапОВО заняла исходное положение.
2. На всех направлениях отмечается подтягивание частей и средств усиления к границе»⁵².

И в такие напряженные, грозные часы командование округом во главе с Павловым вечером с субботы на воскресенье с веселым настроением слушают в Доме офицеров оперетту «Свадьба в Малиновке», а командование 4-й армии, разделившись на две группы, слушали в Бресте «Цыганского барона» и в Кобрине — концерт.

Благодушие это, как свидетельствуют бывшие заместители командующего Западным военным округом генерал-полковник И. В. Болдин и начальник штаба 4-й армии генерал-полковник Л. М. Сандалов было создано пресловутым сообщением ТАСС, опубликованным 14 июня. В то же время враг действовал по принципу полной готовности, когда «была пришита последняя пуговица к мундиру последнего солдата».

Вот в таких, крайне невыгодных условиях Красной Армии пришлось вступать в борьбу с сильным, опытным, коварным врагом. Именно на этом строились расчеты Гитлера на «блицкриг».

- 1 Меликов В. А. Стратегическое развертывание, М., 1936, с. 7.
- 2 ЦАМО РФ. Ф. 16, оп. 2851, д. 239, л. 1–2
- 3 Жуков Г. К. Воспоминания и размышления т. 1, М., 1978, с. 217.
- 4 Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1974, с. 110.
- 5 ЦАМО РФ. Ф. 16, оп. 2951, д. 242, л. 86
- 6 ЦАМО РФ. Ф. 16, оп. 2951, д. 241, л. 1.
- 7 Там же, л. 15.
- 8 Там же, д. 237, л. 50.
- 9 ЦАМО РФ. Ф. 16, оп. 2951, д. 237, л. 1–2.
- 10 Там же, д. 2, л. 47
- 11 Там же, л. 84
- 12 Там же, ф. 16, оп. 2951, д. 236, л. 63–69
- 13 ЦАМО РФ. Ф. 32, оп. 11302, д. 259, л. 1–6.
- 14 Там же, ф. 69, оп. 14065, д. 14, л. 16.
- 15 ЦАМО РФ. Ф. 229, оп. 9776, д. 27, л. 6.
- 16 Там же, л. 29.
- 17 ЦАМО РФ. Ф. 16, оп. 2951, д. 243, л. 25–26.
- 18 Там же, д. 241, л. 74.
- 19 Военно-исторический журнал, 1987, №9, с. 51.
- 20 ЦАМО РФ. Ф. 15, оп. 2154, д. 4, л. 199.
- 21 ЦАМО РФ. Ф. 15, оп. 2154, д. 4, л. 199–287.
- 22 ЦАМО РФ. Ф. 15, оп. 2245, д. 83, л. 86–92.
- 23 Там же, ф. 133, оп. 2729, д. 7, л. 26
- 24 Там же, д. 8, л. 247–248.
- 25 Военно-исторический журнал, 1940. N5 2, с. 51.
- 26 «Совершенно секретно! Только для командования!» М., 1967, с. 76–78.
- 27 Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1957, т. I, с. 391.
- 28 Иан Колвин. Двойная игра. Перевод с английского. М., 1960, с. 237.
- 29 Архив Президента РФ. Ф. 3, оп. 64, д. 341, с. 149–152.
- 30 ЦАМО РФ. Ф. 15, оп. 2245, д. 783, л. 111–112.
- 31 ЦАМО РФ. Ф. 16, оп. 2951, д. 406, л. 104–119.
- 32 Там же, д. 256, л. 1–3.
- 33 ЦАМО РФ. Ф. 208. оп. 2454, д. 26, л. 34.
- 34 Там же, ф. 16, оп. 2951, д. 261, л. 20–22.
- 35 ЦАМО РФ. Ф. 208, оп. 355802, д. 1, л. 9.
- 36 ЦАМО РФ. Ф. 48, оп. 3408, д. 14, л. 442–444.
- 37 ЦАМО РФ. Ф. 229, оп. 164, д. 1, л. 31.
- 38 ЦАМО РФ. Ф. 35, оп. 11300, д. 64, л. 59.
- 39 ЦАМО РФ. Ф. 344, оп. 2459, д. 11, л. 31.
- 40 ЦАМО РФ. Ф. 344, оп. 2459, д. 11, л. 36.
- 41 Там же, ф. 221, оп. 7833, д. 3, л. 17.
- 42 Там же, л. 20
- 43 ЦАМО РФ. Ф. 344, оп. 2467, д. 39, л. 71
- 44 Там же, ф. 221, оп. 7833, д. 3, л. 60.
- 45 ЦАМО РФ. Ф. 229, оп. 164, д. 1, л. 71
- 46 ЦАМО РФ. Ф. 221, оп. 2467, д. 39, л. 79.
- 47 ЦАМО РФ. Ф. 221, оп. 2467, д. 39, л. 60
- 48 ЦАМО РФ. Ф. 221, оп. 142687, д. 1, л. 3–17.
- 49 Там же, ф. 208, оп. 142690, д. 2, л. 2–12.
- 50 ЦАМО РФ. Ф. 229, оп. 157, д. 8, л. 43.
- 51 Там же, ф. 2, оп. 75593, д. 13, л. 25
- 52 РФ. ф; 208, оп. 2513, д. 71, л. 70–73.